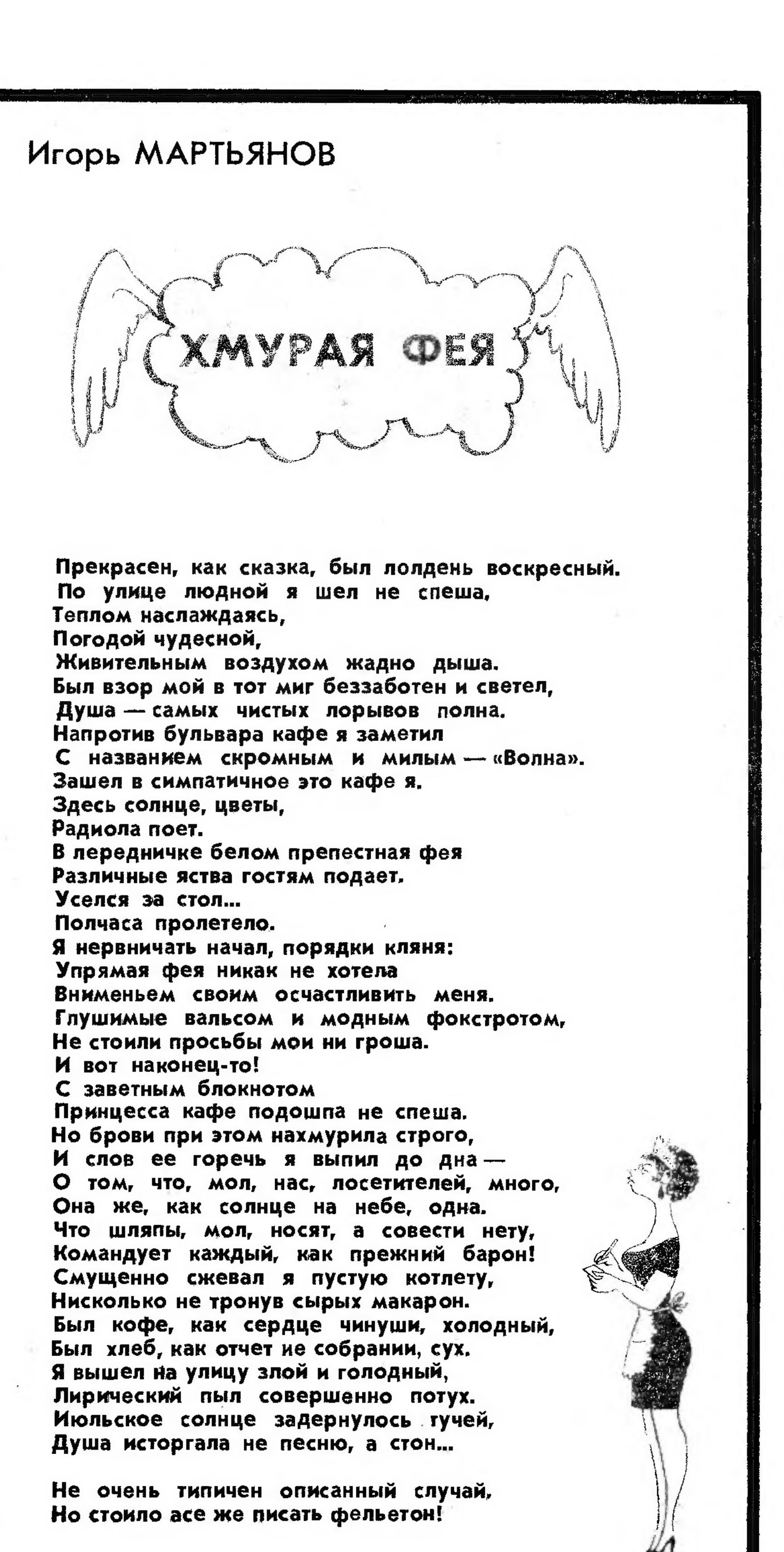
КРОКОДИЛ

НА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГОЛУБЯТНЯХ

Рисунок Ивана СЕМЕНОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

ХМУРАЯ ФЕЯ

Прекрасен, как сказка, был лолдень воскресный.
По улице людной я шел не спеша,
Теплом наслаждаясь,
Погодой чудесной,
Живительным воздухом жадно дыша.
Был взор мой в тот миг беззаботен и светел,
Душа — самых чистых лорывов полна.
Напротив бульвара кафе я заметил
С названием скромным и милым — «Волна».
Зашел в симпатичное это кафе я.
Здесь солнце, цветы,
Радиола поет.
В передничке белом препестная фея
Различные яства гостям подает.
Уселся за стол...
Полчаса пролетело.
Я нервничать начал, порядки кляня:
Упрямая фея никак не хотела
Внименьем своим осчастливить меня.
Глушимые вальсом и модным фокстротом,
Не стоили просьбы мои ни гроша.
И вот наконец-то!
С заветным блокнотом
Принцесса кафе подошпа не спеша.
Но брови при этом нахмурила строго,
И слов ее горечь я выпил до дна —
О том, что, мол, нас, лосетителей, много,
Она же, как солнце на небе, одна.
Что шляпы, мол, носят, а совести нету,
Командует каждый, как прежний барон!
Смущенно сжевал я пустую котлету,
Нисколько не тронув сырых макарон.
Был кофе, как сердце чинуши, холодный,
Был хлеб, как отчет ие собрании, сух.
Я вышел на улицу злой и голодный,
Лирический пыл совершенно потух.
Июльское солнце задернулось тучей,
Душа исторгала не песню, а стон...

Не очень типичен описанный случай,
Но стоило асе же писать фельетон!

г. Иваново.

С. ШАТРОВ

ДАР ПРИРОДЫ

Рассказ

Мы ждали электрички на платформе 33-й километр. Мимо через короткие интервалы проносились нарядные фирменные поезда и тяжеловесные грузовые составы. Железный скрежет перекрывал писк ласточек, шум ветра, запутавшегося в тополиной аллее, людские голоса, и тогда Чугунков, мой новый знакомый, прикладывался к бутылке «Жигулевского», которую вынимал из сумки с надписью «Аэрофлот».

— На суде был,— сообщил он, когда подняли полосатый шлагбаум.— С родной мамашей судился!

— Алименты с вас требовала? — догадался я.

— А что с меня требовать? Я, можно сказать, ничего ей не должен. Государство меня выкормило. Ясли — раз, детский садик — два, школа-интернат — три. Никаких капиталовложений в меня не произведено. В шестнадцать лет работать пошел...

Он вытянул ноги в кремовых туфлях сорок четвертого, а то и сорок шестого размера и показал лапищу с зажатой в ней бутылкой.

— Болеть я ничем не болел, так что заботы обо мне были самые малые...

Из будки вышла стрелочница, крепкотелая блондинка, обласканная солнечными лучами, и задудела что есть мочн.

— Вот, пожалуйста, Дуська-Маруська. Ну что она понимает в судебных делах? Дудеть — это куда ни шло. Судить людей ей не под силу. А ведь судит.— В два глотка он опорожнил бутылку.— Вызвали меня сегодня по повестке. Прихожу. Сидят за столом две такие Дуськи-Маруськи — народные заседатели. Одна с фабрики имени Клары Цеткин, другая — железнодорожница. Посередке, в кресле с гербом, этакая зараза в синем костюме со значком, дескать, знайте люди, я с высшим образованием! Увидел я составчик суда и говорю себе: Чугунков, сгоришь ты без дыма, даже пепла после тебя не останется!

Мимо прошел поезд с цистернами, с машинами «Колхида» и лесом-кругляком. Чугунков вынул из синей сумки непочатую бутылку, пустую ловко перебросил через себя и через молодые тополя, что росли позади платформы.

— По какому же поводу вы конфликтовали со своей матерью? — спросил я, когда утих грохот.

— Начну по порядку. Отец у меня помер сразу же после войны. Мать так и осталась вдовой, хоть за нее и сватались. Женишки, по моим соображениям, на хозяйство зарились. Дом у

нас был кирпичный, сад — сорок корней, корова симменталка, гуси, куры и все такое прочее. Да и мамаша зарабатывала дай бог каждому, первейшая на весь район доярка, одних грамот полный сундук. Я, когда подрос, в райцентр подался, сестренка вышла замуж за городского. Осталась в деревне маманя со своим животноводством и почетными грамотами. Вышла на пенсию, но работать не бросила. Обмозговал я эту ситуацию и письмо написал:

«Дорогая маманя, зачем вы в своем пожилом возрасте гнете спину, себя не жалеючи? Приезжайте ко мне на постоянное местожительство. Будете у меня жить, горя не знать. Продайте дом, хозяйство, этих денег хватит вам до самой что ни есть глубокой старости!»

Оиа отвечает:

«Спасибо, Вася-Василек, за заботу и ласку о старухе матери. Все же с приездом я повременю. Сегодня ты холостой, завтра женатый. Кто знает, какая тебе попадется женщина?..»

Я ей пишу:

«Насчет женщины можете не беспокоиться. Я к женитьбе питаю страшное отвращение. В ближайшую пятилетку этого определенно не будет. А на большее загадывать нет смысла. Продавайте хозяйство, не сомневайтесь...»

Она отвечает:

«Родимый мой сынок Вася-Василек! Боязно мне дом продавать, без своего угла остаться. Да и к хозяйству я привычная...»

Я пишу:

«Не будьте, маманя, мелкой собственницей. В городе никто домов своих не имеет, не говоря уже о коровах и курях, однако живут безбедно, молочко пьют и курятину едят исправно...»

Так мы переписывались два года. Она свое гнет, я — свое. Как в ООН. Все же я пересилил. Прибывает заказное, и в нем мамаша сообщает, что приезжает на постоянное жительство. Встречаю ее на вокзале. Везу как полагается на такси домой. Приехали. И вдруг она в слезы:

— Не хотела я тебя, Василек, на вокзале оглоушить. Случилось со мной громадное несчастье!

— Какое может быть несчастье, маманя, если вы сами живы и здоровы! Для меня это самое главное!

— Деньги у меня украли!

— Много? — спрашиваю.

— Все! Все пять тысяч, которые за хозяйство выручила... Подай-ка мне, сынок, водички.

Подал я ей водички и говорю:

— Эх, маманя, дорогая моя, я хоть мужчина здоровый, но от таких шуток могу без бюллетеня в могилу сползти!

— Я не шучу, сынок. Ограбили меня. В поезде... В тамбуре прижали два здоровых мужика, показали нож и говорят: выкладай, старуха, без шума свои сбережения, не то подколем и на ходу с поезда сбросим!

— И вы отдали?

— А что мне, старухе, делать?

— Как же вы могли без борьбы отдать такую большущую сумму?! За такие деньги надо было бороться не на жизнь, а на смерть!

— Не осуди меня, Вася, но не могу бороться из-за денег насмерть. За что-нибудь другое могла бы, за деньги — нет!

— Такая вы, мамаша, идейная женщина? Очень даже приятно узнать, хотя хочется биться головой об стенку!

— Что же ты, сынок, все о деньгах да о деньгах? Порадовался бы, что я жива осталась!

— Спору нет — радость большая,— отвечаю.— Все прекрасно получилось. Ужин на столе. Угощайтесь, а я пойду мозги проветрю.

Пошел я в пивной бар, заказал полдюжины, лакаю пиво и думаю: вытянул ты, Вася, заместо туза шестерку пик. Посадил себе на шею безденежную женщину. Придется тебе, обалдую, мытариться с ней минимум лет десять!

Ладно, начала она у меня жить. Проходит неделя, другая, не выдержал я и говорю:

— Маманя, на вашу пенсию в городе не очень-то разживешься. Надо бы вам подумать о будущем.

— Мне много не нужно,— отвечает,— а если произойдет нехватка, ты сын хороший, всегда поможешь...

— В этом не сомневайтесь, но все же вам лучше подумать о работенке. Женщина вы еще определенно здоровая и можете, как пишут у нас в газетах, участвовать в общественно полезном труде...

— Неужто, Вася, затем меня и вызывал, чтобы на работу погнать?..

— Маманя, я же не заставляю вас перекладывать шпалы или грузить кирпичи. Я вам предлагаю в добровольном порядке поехать в летний лагерь...

— Я не пионерка, чтобы в лагере мяч гонять...

— Однако, маманя, в этом вопросе у вас отсталые взгляды.— И тут я вынимаю припасенную газету и читаю объявление:

К сведению пенсионеров!

ОБЛПОТРЕБСОЮЗ
производит запись желающих
в лагери по сбору
ДАРОВ ПРИРОДЫ

— Ну чем, маманя, плохое занятие? Цельный день на свежем воздухе собираете различные дары: дикорастущую ягоду, грибы или какую-нибудь полезную шишку. Хвойный дух, птички поют, белки шныряют с ветки на ветку, благодать, не надо курорта!

— Спасибо,—говорит,—сыночек, что посылаешь меня за дарами. Но, видно, уж лучше мне от такого дара природы, как ты, уехать подальше!

И уехала!

— За что же вы на нее в суд подали?

— Так она ж поехала не в лагерь, к дочери!

— Разве поездка к дочери — подсудное дело?

— Не рысите! Следуйте за мной шагом!.. Приезжает моя дорогая мамаша к дочери и выкладывает про свое громадное несчастье. Сестрица моя и ее муженек — тоже идейные — говорят: не растравляйте, мамаша, свою нервную систему. Не в деньгах счастье. Живите у нас себе на здоровье! Достатков на всех хватит! Такой разговор мамаше, разумеется, понравился. Живет она месяц, другой, полгода и не нарадуется.

— Позвольте, чем же вас это не устраивает?

— А тем, что она родного сына обманула! — Он ударил себя по груди, и одинокая пьяная слеза показалась в уголке его глаза.

Я подумал, что в нем взыграли сыновние чувства и среди пятнадцати миллиардов нервных клеток его мозга зашевелился десяток-другой, которые вызывают у человека угрызения совести.

— Бросила она своего Васю-Василька. Единственного сына! Вы подумайте! — Его раздирала тоска.— И до чего хитрющая старуха! Пожила еще у дочки н призналась во всем. Дескать, никто ее не грабил. Деньги привезла в целости и сохранности, бери, доченька, в общий котел, пользуйся!.. И мою долю отдала, что по наследству причитается...

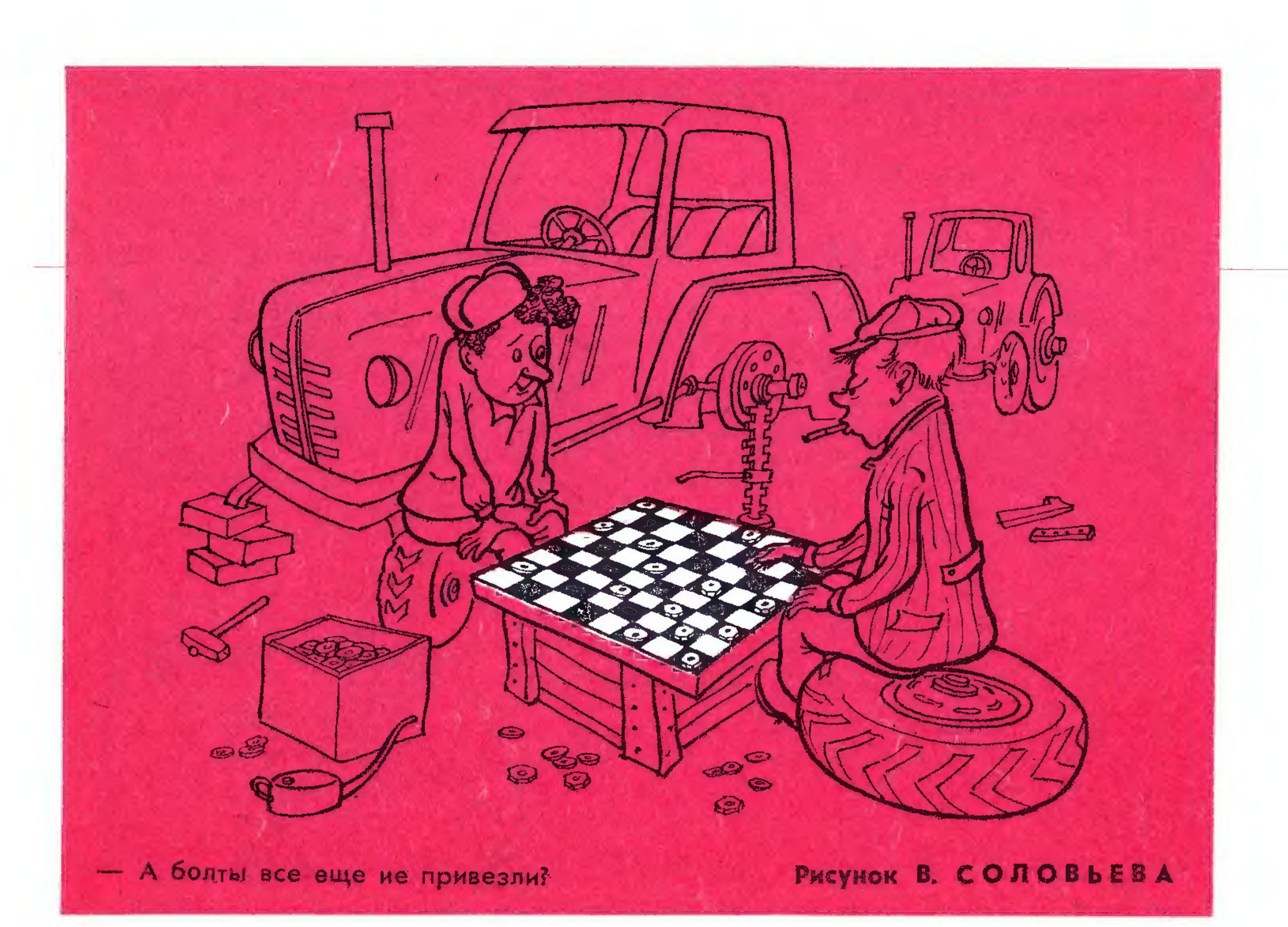
— И вы подали в суд?

— Суд! Одно название. Судья, гадюка, душу из меня выворотила. Вы, говорит, гражданин Чугунков, тут насчет капиталовложений распространялись, жаловались, что мало в вас вкладывали. И что вас и сейчас обделяют. Это до некоторой степени правильно. Моральных ценностей вы недополучили, что очень печально. И потому вы бедный человек... Так по бедности мне ничего и не присудили!

Крепкотелая, обласканная солнцем стрелочница снова вышла из своей будки и весело задудела.

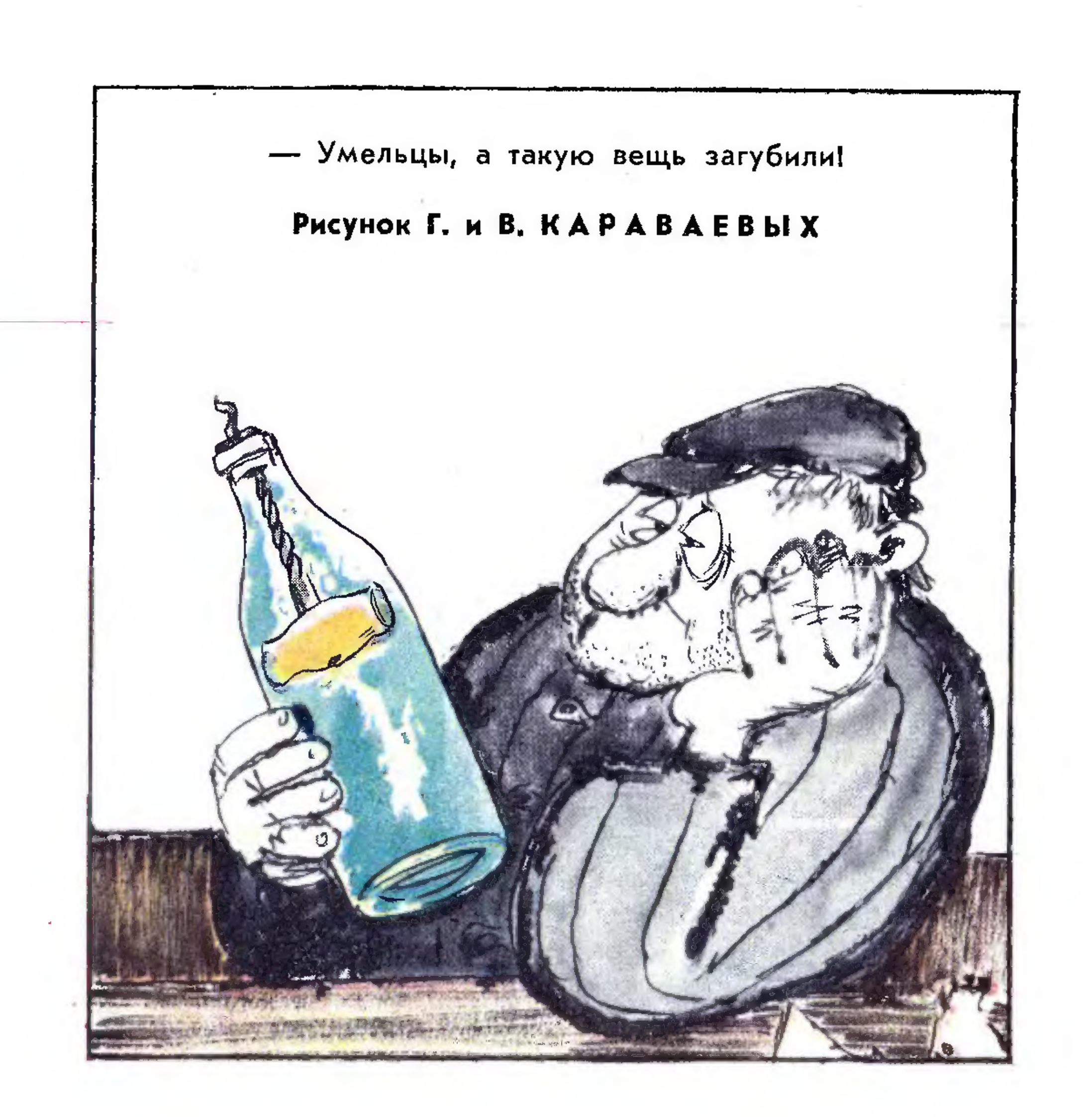
— Разве это суд! Да что ждать от таких Дусек-Марусек!

Он со злостью перебросил через себя пустую бутылку, тяжело поднялся и, пошатываясь, побрел в буфет, чтобы пополнить запасы «Жигулевского».

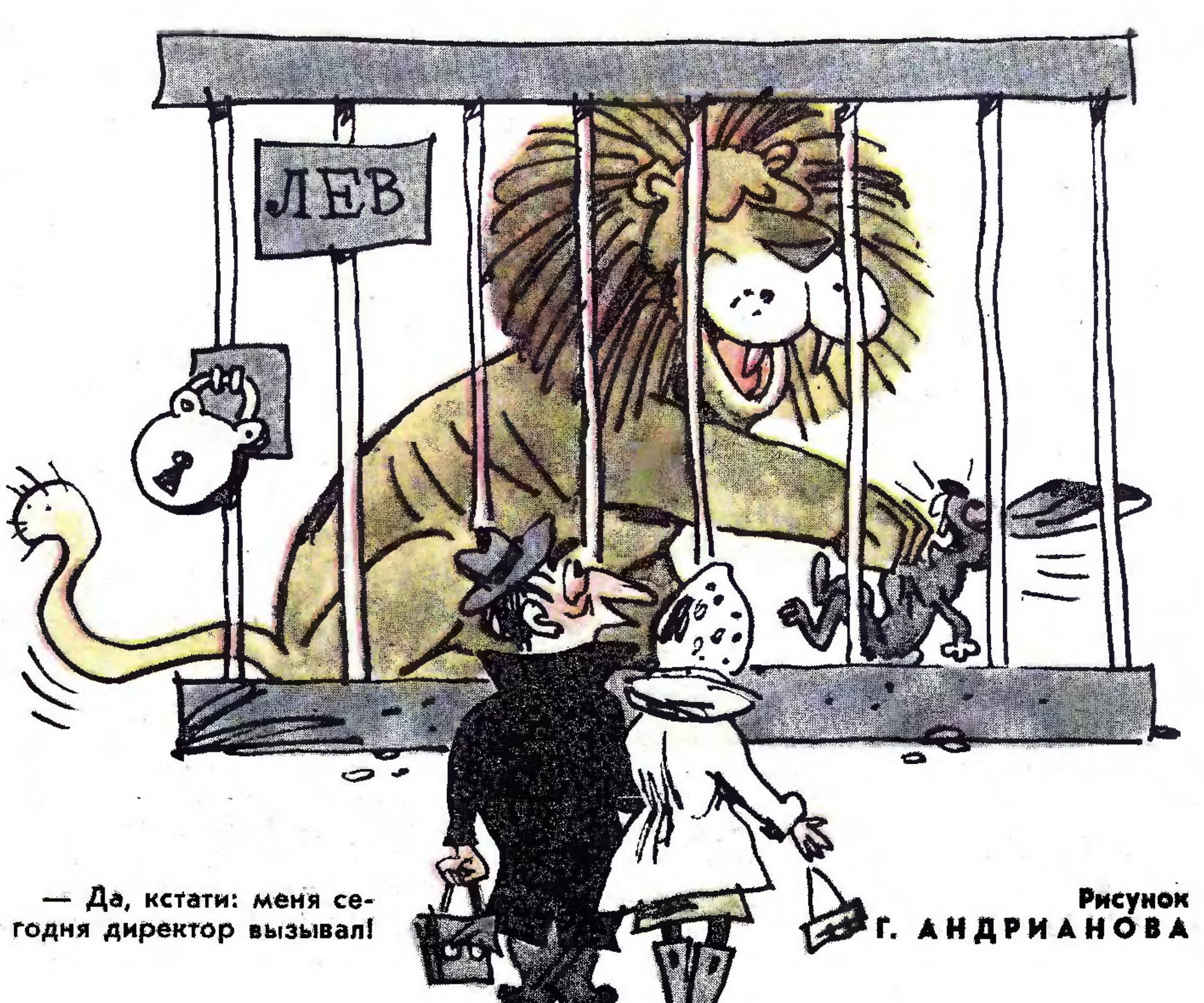
— А болты все еще не привезли?

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Умельцы, а такую вещь загубили!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Да, кстати: меня сегодня директор вызывал!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Шапкой я обеспечен: мы весь сезон «Годунова» ставим.

Рисунок Г. ВАЛЬКА

— Напишу-ка я ему: «Морально устойчив»...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

ВИЛЫ В БОК!

Эта странная гражданка

Лопе де Вега сказал, что половиной своей красоты женщины обязаны портным.

Когда жительница г. Кемерова А. Т. Буторина пришла за своим платьем в ателье № 9, расположенное по ул. Кирова, 18, и увидела готовую продукцию, она поняла, что ей остается рассчитывать только на себя.

Короче говоря, из трех метров креп-жоржета за полтора года работы (а с момента приемки платья в работу прошло именно столько времени) ателье № 9 создало нечто такое, при виде чего даже заведующую ателье качнуло и ей пришлось сесть. Придя в себя, она сказала:

— Семь рублей можем вам вернуть за материал.

— Почему же семь? Я, помню, за него платила...

— У вас хорошая память, гражданка Буторина. Может быть, вы помните, когда была первая примерка? Так вот, во-первых, креп-жоржет сейчас не моден: за полтора года он дважды уценялся. Во-вторых, семи рублей сейчас за него ни одна скупка не даст. Вы же за эти деньги купите себе отличное ситцевое платьице-мини. Сейчас так модны пастельные жатые ситцы.

Гр-ка Буторина отказалась.

— Ну, хорошо. Не хотите семь рублей, давайте так: платье ваше мы вам вернем и будем квиты. Мы вас не видели, вы нас не знали. Ну, соглашайтесь.

— Да что ж я с ним буду делать? — опасливо глядя на платье, спросила А. Буторина.

— Сейчас — ничего. Позже, со временем, когда вы... как бы это сказать... усохнете, что ли... Одним словом, подойдете под него, и тогда сможете его носить.

Строптивая гр-ка Буторина опять не согласилась, чем совершенно удивила заведующую ателье.

— Даже смешно,— сказала та.— Девочки, идите сюда, посмотрите на эту гражданку. Она не согласна!

Практикантки высыпали в примерочную. Они еще только учились на мастеров и поэтому впитывали знания как губка.

Устин МАЛАПАГИН

Просят не нарушать...

Молодой специалист Нииа Бутова вышла на перрон латвийского города Балвы с легкой сумочкой в руке. Б сумочке покоились диплом Белореченского кооперативного техникума, паспорт и направление.

В райпотребсоюзе, куда явилась Нина, ее дружно поприветствовали. Поприветствовав, исподволь подивились скромной оснастке молодого специалиста. Разве так приезжают на постоянное место жительства? Где осенние сапожки, пальто и популярная примета мокрого прибалтийского климата — зонтик? Где, наконец, постельное белье и знаменитая эмалированная кастрюля, в которой молодые специалисты отваривают на завтрак сардельки?

Будущие Ниниины сослуживцы беспокоились напрасно: все это было. В элегантной сумочке между паспортом и дипломом лежала багажная квитанция.

На следующий день Нина предъявила ее в багажное отделение. Там квитанцию с неудовольствием осмотрели и вернули обратно. Тогда Нина пошла к начальнику станции. Начальник, выслушав ее, вежливо повернул к ней настольный календарь и осведомился, какое сегодня число.

— Пятнадцатое августа...

— Вот видите! — с пафосом сказал начальник.— Это — нечетное число. А багаж к нам приходит по четным.

С великой надеждой открывала Нина глаза каждое четное утро. Но к вечеру надежда гасла, как холодеющее прибалтийское солнце. Распоясавшиеся балтийские циклоны донимали неутепленную жительницу юга.

Подняв зоротничок единственной кофты, бомбардировала она Белореченск запросами о сгинувшем багаже. Белореченск молчал. Телеграфно уплывали последние наличные деньги молодого специалиста, а получить подъемные нельзя было, не сдав билета. Сдать же билет нельзя было, не получив багажа...

Не вытерпев, запросила Нина Бутова знакомых, и те ответили, что сданный ею багаж отправлен еще 11 августа в город Ленинград.

Отныне телеграфные деньги стали уплывать в сторону Ленинграда, но там о багаже Нины Бутовой не были проинформированы.

Подъемные Нине выплатили, не дождавшись билета. Тепло отнеслись к молодому специалнсту и в том смысле, что одели ее в теплую одежду. Кастрюльку для сарделек дали. А Нина все равно ходит на станцию в нарушение порядка. Ибо порядок гласит, что железная дорога имеет право разыскивать сгинувший груз в течение полугода.

Полгода еще не прошло. Нину Бутову просят не нарушать порядок.

Р. ТИМОВ

И ОСВОИЛИ...

В якутском поселке Чаппонда по утрам жители не говорят: «Доброе утро!» — а спрашивают: «Школа еще не обвалилась?»

Несколько лет назад было решение построить новую школу. Дали денег. Не дали только строителей. Посмотрело районное начальство кругом, не обнаружило строительных организаций, но обнаружнло рядом совхоз «Нюрбинский».

— Ему и быть строителем! — распорядилось начальство.

— Не умеем мы строить...

— Выполняйте приказ! — последовал грозный окрик.

И совхоз начал строить. Когда на месте будущей школы появились колья — иссякла 21 тысяча рублей. Ушлн на эти самые колышки. И великое строительство замерло.

Прошло три года. Пейзаж остается неизменным. Детн новую школу почему-то не посещают. Зато посещают представители местной фауны.

Б. САВЕЛЬЕВ

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ВОКРУГ БЫКА

Возможно, что и есть такие граждане, которые, наслушавшись разных опер, считают, что бык в основном создан для поединков с тореадором. Ах, дескать, коррида! И ах, Эскамильо выбегает на арену в шелковых подштанниках и вонзает шпагу прямо в быка. И ах, дескать, как это прекрасно и изумительно!

Может, оно, конечно, и так. Но мы, прожив на свете какое-то время и набравшись житейского опыта, считаем, что бык создан не только для этого. А тех товарищей, которые с нами не согласны, мы оставляем в их приятном заблуждении. Пускай они себе так думают. Пожалуйста. Мы этот фельетон пишем не для них. А для тех, кто так же, как и мы, малость разбирается в жизни.

И вот, чтобы не тратить лишних слов, сообщим, что в городе Череповце, на Вокзальной улице, проживает бык Борька. Довольно симпатичный мерзавец. Баловень прекрасного пола. Коров я имею в виду. И за что они его любят — даже удивительно. То ли за рога, которые у него появились скорей всего не без их участия. А может, за кольцо в носу. Неизвестно. Женский пол — загадка. Но только живет этот Борька в сарае...

Как известно, бык сам по себе существовать не может. Потому что в городских условиях он подохнет с голоду или умрет от жажды. Ведь трава на асфальте не растет, а речка возле Борькиного сарая не протекает. Там есть колонка, да и то далеко, квартала за два. Ходить с ведрами по воду он пока не умеет.

Значит, за быком должен кто-то ухаживать. Вот за ним ухаживает скотница — рабочая Елена Алексеевна Филиппова. Она этого быка кормит и поит. И навоз из-под него выгребает. А больше быку вроде бы ничего не надо. Он доволен жизнью. А также кольцом, которым по необразованности очень гордится.

Но дело не только в быке. Ситуация немедленно усложняется, поскольку возникает такое соображение: раз на производстве есть рабочая единица, то, значит, у нее обязательно должен быть и начальник, который держал бы, образно говоря, в руках бразды. Иначе эта единица может наработать неизвестно что.

Такой начальник, разумеется, есть. Это председатель правления Череповецкого животноводческого товарищества Петр Иванович Мошков. И хотя в подчинении у него всего одна рабочая, чин он имеет звучный и оклад восемьдесят рублей в месяц.

Но пойдем дальше. Для того, чтобы платить зарплату скотнице и председателю, нужен бухгалтер. Верно?

Есть, разумеется, и бухгалтер. Правда, это бухгалтер по совместительству. Что поделаешь: на полную единицу не хватает денег. Клавдия Павловна Салтыкова ведет бухгалтерию в школе рабочей молодежи и здесь. Она учитывает, сколько Борька за год сожрал сена и сколько у него побывало дам и все такое прочее.

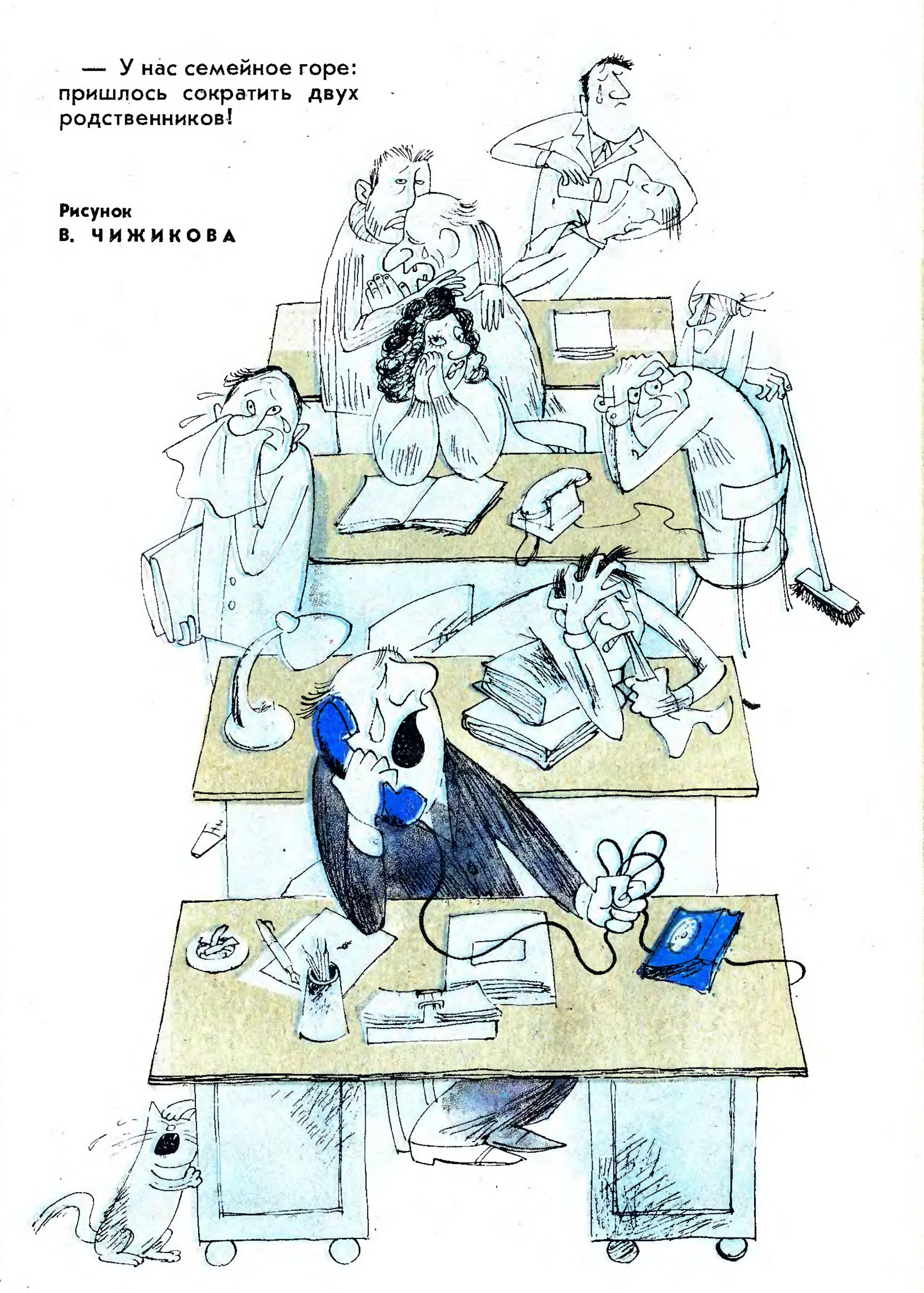
Но, как вы понимаете, скотнице, председателю и бухгалтеру надо начислять зарплату. Им надо за их работу еще платить и деньги. А где их взять? С Борьки спрос маленький. Ему полтора годика. Хотя зарплату он не требует, но доход от него тоже небольшой. Этот юный бугай — модник с челкой и кольцом в ноздре — за год заработал всего 367 рублей. Причем чуть ли не половину этой жалкой суммы заплатили владельцы колхозных коров, которые к данному Череповецкому товариществу абсолютно никакого отношения не имеют. И если учесть, что за год Борька сжевал чуть ли не двести пудов сена, то становится ясно: он не может содержать не только себя, но и своих придворных.

Что же в таком случае делать? В таком случае надо искать выход. И он был найден. Оригинальный и простой.

У проезжего цыгана была куплена лошадь по имени Майка. И определена работать в столовую по перевозке продуктов. Там Майка возит и кефир, и квас, и пиво и зарабатывает на прожитие себе, Борьке, председателю, скотнице, бухгалтеру и еще на сотню рублей побольше, чтобы хватило на зарплату возчику.

Ибо у Майки ведь тоже должен быть руководитель. Который бы в буквальном смысле держал в руках бразды и контролировал.

г. Череповец.

— У нас семейное горе: пришлось сократить двух родственников!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Владимир ШАМША

ДИСКУССИЯ

Идет давно — не год,
не два —
Дискуссия одна.
Работе клубных очагов
Она посвящена.

А началась она с того,
Что кто-то вслух сказал,
Мол, вроде клубный
арсенал
От времени отстал.

Мол, надо формы
обновить,
Струю живую влить,
«За чашкой чая» вечера
Почаще проводить.

И началось. Один сказал:
— Чай — актуально. Но
С чем пить его! Мы
знаем! Нет.
Вот то-то и оно!

Другой сказал: — Что
тут гадать!
Всего, друзья, верней
Варенье к чаю подавать
И угощать друзей.

— Гостей вареньем
угощать! —
Включился третий в
спор.—
Да это же вчерашний
день!
Старо, как мир! Позор!

Сказал четвертый:
— Это так.
А коль «переиграть»
И всем, кто посещает
клуб,
По бублику вручать!

— Разумно,— пятый
поддержал.—
Оригинальный ход.
Да, публика на бублики
Охотнее пойдет!

— Так пусть идет,—
сказал шестой.—
Клуб — коллектив людей,
Который жаждет за
столом
Сплотиться поскорей.

А что сближает и
роднит!
Окрошка! Балыки!
Нет, ошибаетесь,
друзья,—
Бараньи шашлыки!

Седьмой восторженно
сказал:
— Находка это! Но
Ведь чай и после
шашлыков
Пить будут все равно.

А значит, надо до конца
Проблему изучить,
Установить, когда и с чем
Его конкретно пить!..

...Вот так дискуссия идет,
Азартна и остра.
За ней внимательно
следят
Одни лишь... повара.

г. Одесса.

Юрий АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

КОММУНАЛЬНАЯ ХВАТКА

Наука поднапряглась и сказала: «Некоммуникабельность». Слово новое, но само явление оформилось давно...

...Кто придумал «в тесноте — не в обиде», тот родился и вырос в колбе или какой другой посудине, но только не в коммунальной квартире. Ах, какая некоммуникабельность возникала в доме по Кривособачьему переулку под пламенное пение примусов и грохот жестяных корыт «Красный Архимед»! Тут было все: и каратѐ, и самбо, и приемы народной борьбы на поясах.

В квартире № 5, населенной плотнее Голландии, сражение велось из-за лилипутского чулана. Никто никому не уступал, не желал считаться и действовал по принципу «дают — бери, а не дают — тем более...». Это и была некоммуникабельность.

Говорят-де, взаимное непонимание — результат недостаточности культурного уровня. Не согласен! Взять, к примеру, такое звание: доцент, директор Новосибирского филиала Московского технологического института легкой промышленности Овеченко Н. Г. ...Разве не уровень? А ректор Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, профессор Проворнов — это уже почти гималайская высота!

Но вот вышло предписание, чтобы ректор передал директору здание института. Но не сразу, а поэтажно, поступенчато, поскольку новый корпус для геодезистов еще только достраивался.

И возникла коммунальная ситуация: в одном доме временно оказалось два вуза и два хозяина — ректор Проворнов и директор Овеченко. Ни примусов, ни «Красных Архимедов» у деятелей науки не было, но некоммуникабельность появилась сама собой, из ничего, как моль или легенда о вратаре-обезьяне.

Первый шаг по линии непонимания совершил профессор. Не желая контактироваться с швейниками, трикотажниками и прочими легкопромышленниками, он велел перегородить здание на две части. Геодезистам, как людям романтической профессии, было определено пользоваться парадным ходом, а пришлым трикотажникам — шастать тропою кошек, то есть черной лестницей.

Доцент, он же директор «пришлых», Овеченко хотел было на это интеллигентно ответить: мол, «хорошо смеется тот, кто смеется на бюро», но потом вспомнил, что главное в коридорной войне — внезапность.

И вот темной ночью возле институтского здания показалась длинная гамлетовская тень в зимнем пальто. И пальто и тень принадлежали обиженному директору Овеченко. Тень скользнула по дубовым дверям института и оставила на них два предмета: амбарный замок и записку «Геодезистам вход воспрещен».

Наступившее утро принесло мороз и солнце. Но в основном — мороз. И геодезисты заплясали у дубовых дверей сибирскую полечку. Плясали до тех пор, пока с неба не упал окочурившийся на лету воробей. И тогда раздался разумный крик: «Так будет с каждым, кто без приюта!..» И родился еще более разумный лозунг: «Пробьемся черным ходом!»

Наивные романтики! Коммунальная война не признает полумер: ручка на дверях черного хода оказалась свинченной. А за дверьми стоял гордый собственной изобретательностью заслон из доцентов и кандидатов Института легкой промышленности во главе с директором Овеченко. Ну и Овеченко! Так и хочется прослезиться и запеть: «Виват академиа, виват профессорес». Но побережем слезы. Они еще пригодятся.

Итак, геодезисты отступили, оставив на поле боя своего зав. кафедрой Антипина. Антипин не сдался, но захотел в плен... Там, в тылу врага, находилась его, антипинская, лаборатория.

— Так и быть, в порядке исключения, — сжалились победители. Короче, Антипина допустили. Разрешили двигать науку лабораторным путем.

Но Антипин не стал двигать науку. Вместо этого он подвинул к форточке стул и секретно заворковал:

— Я доцент, я Антипин, как слышите?

— Я за-за-зав. лабораторией, — отстукали в ответ зубами откуда-то снизу, из подоконного сугроба. — Всё слышу. Прием...

— Есть прием! — Антипин распахнул рамы и сквозь пенное облако протащил в окно иззябшего соратника по науке.

Именно так поступали в Кривособачьем переулке, когда хотели оставить гостя на ночлег. Но ученые наблюдательны не менее, чем хмурый кривособачий сосед-моралист.

— Эт-то что за троянство? Вон, и чтобы ноги здесь не было!

«Троянцев» выпихнули, и они вылетели на мороз быстро и направленно, как из финских бань.

С неравноправием было покончено. Парадный ход стал достоянием легкопромышленных масс. Но война не утихла. Наступление на геодезистов, картографистов и аэрофотосъемщиков продолжалось широким фронтом. Борьба разгоралась под испытанным квартирным лозунгом:

— Око за око!

Но, поскольку применять ухватки народной борьбы на поясах в институте считалось зазорным, отступавшие геодезисты нашли замену: драли из стен розетки и свинчивали краны в туалетах.

И вот наступил критический момент, когда здание было почти полностью отвоевано филиалом Института легкой промышленности. За геодезистами сохранился лишь чулан, в котором они временно оставили свое хитроумное оборудование и точные электронные приборы. Точные, повторяем, и капризные. Чтобы наладить эту нежную механику, фирма Цейсс отрядила в свое время в Новосибирск умельца, способного, по слухам, погладить одуванчик, не порушив ни единого «парашютика».

Но какие же могут быть «парашютики», когда дело дошло до полной некоммуникабельности? Что значит «плачено валютой»? Что значит «хрупкое»? Нет, директор Овеченко не желал этого понимать. Ему нужно было разместить в чулане пусть чугунные, но зато свои машины для пошива обуви. Словом, повторялась та же кривособачья ситуация, но только в широком, ведомственном масштабе.

Директор Овеченко угрожал: «Выкину Цейсса к чертям собачьим!» Ректор геодезистов Проворнов тянул время, ждал и надеялся. На что? Неясно. Зато ясно другое. Разговор «наше»-«не наше» возымел действие. В институте запахло грозой и машинным маслом. В коридоре показались чугунные станки. Затем раздался гром. Это шли слесари и грузчики филиала Института легкой промышленности. Освободители чулана действовали просто, но с душой: круглое—кати, плоское—тащи! И покатили. Словно кошку, вышвырнули в коридор хрупкий стереопланиграф (между прочим, 29 630 рубликов), фототрансформатор (30 тысяч рублей) и прочее заумное соседское барахло. И поставили свои швейные чугунки.

С соседством было покончено раз и навсегда. Но назойливые геодезисты не унялись и прибежали в свой бывший дом с фотоаппаратом и третьим незаинтересованным лицом — экспертом Федоровым.

— Маммаа миа! — воскликнуло третье лицо даже по-иностранному. — Это же дневной погром!

Дальше не хватило слов. Да они были и не нужны. Дальше за себя говорили цифры. 91 911 рублей — такова изначальная сумма убытка, насчитанная комиссией за попорченное при вышвыривании оборудование.

Это вам не кривособачий чуланчик!

Но директор Овеченко невозмутим. Он делает свое дело. Освобождает площадь для своих студентов.

Все верно. Все правильно. Но только с точки зрения обитателей коммунальной квартиры.

— Что тут изображено?

— Это не имеет значения. Он получил премию за границей.

Рисунок Эрика ЛИПИНСКОГО (Польша)

— Репетируем обогрев скота в зимних условиях!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Любознательному читателю предлагается сравнить три отрывка из произведений разных авторов.

«...Вот сидит, к примеру, на ведре мужчина — усы инеем запушены, нахохлился, удочку в прорубку опустил, голову свесил. Думается со стороны — задремал. И вдруг как соскочит с ведра. Будто его током ударило электрическим. И давай руками махать. То одной, то другой. Это означает, что рыбину зацепил и тащит ее с большой глубины. По-нашему это называют «шьет рыбак». И верно, издали в точности смахивает на портного, когда у него нитка длинная...

Сидит, бывало, иной рыбачок, машет удочкой, а все без толку... А тут к нему как раз дед Стулов топает.

...— Разреши, — скажет, — хозяин, поблизости привал сделать. И в какую тебе не жалко луночку позволь блесну макнуть! На стариково счастье!.. Уважь пожилого человека!

...Сядет и давай окуней таскать. Да все толстых, икряных!..»

М. ЗАБОРСКИЙ. «ВОКРУГ КРЮЧКА», стр. 114. ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», 1957 год.

«Вот сидит, к примеру, на ведре какой-нибудь ражий детинушка. Коротенькая удочка у него в лунку опущена, и сам он весь точно в воду опущенный; нахохлился, голову свесил, заиндевел от резиновых сапог до усов. Издали кажется: задремал детинушка. И вдруг как вскочит он с ведра, будто с электрического стула, как начнет ручищами махать. То одной, то другой. «Эге! — смекаешь.— Зацепил рыбак рыбку, тащит ее с большой глубины». Уже минута прошла, а он все вскидывает руками — ну, натурально как портной, когда у него нитка длинная!

...Иной сидит, машет удочкой, а нет ему счастья рыбацкого... Тут дед Зосима и подвернется.

...— Позволь, — скажет, — соседушка милый, привал тут раскинуть. И позволь блесну макнуть в луночку, какую тебе не жалко. Уважь старого человека, дай ему закинуть на стариковское счастьице...

...Вот таким несусветным образом этот везучий старикашка натаскивает у тебя из-под самого носа, из твоей же лунки, толстых, икряных окуней...»

Ю. ПОМОЗОВ. «ТЕЧЕТ ВОЛГА», стр. 356. ЛЕНИЗДАТ, 1969 год.

«Вот сидит, к примеру, за столом мужчина — нахохлился, голову свесил, глаза в чистый лист бумаги опустил. Кажется со стороны — задремал. И вдруг как подскочит на стуле, как начнет авторучками махать! То одной, то другой. Это означает, что рассказ придумал. Уже час прошел, а он все машет авторучкой — ну натурально, как портной, когда у него нитка длинная!

...Тут к нему как раз Юрий Помозов топает.

— Позволь, — скажет, — соседушка милый, привал тут раскинуть. И позволь лапу запустить в рассказик, какой тебе не жалко. Уважь коллегу!

Вот таким несусветным образом этот везучий Помозов таскает у тебя из-под самого носа, из твоих же рассказов, целые абзацы и предложения».

С. СПАССКИЙ. «ТРИ КАПЛИ ВОДЫ». «КРОКОДИЛ» № 34, стр. 7, 1969 год.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ?

СУДАЧИТЬ

Многословно обсуждать причины отсутствия свежего судака в рыбных магазинах.

МОНОГАМИЯ

Положение, при котором мужчина женат только на одной женщине. От слов МОНО — одно и ГАМ — шум, то есть о д н о ш у м и е. Если бы мужчина был женат на двух женщинах одновременно, гама, естественно, было бы минимум в два раза больше.

НЕ МЫТЬЕМ, ТАК КАТАНЬЕМ

Этим выражением мы обязаны Семе Бэбскому, студенту-медику. С грязной шеей и аналогичными ушами он пришел сдавать экзамен по гигиене. Экзаменатор увидел Семину шею, заглянул ему в ухо и, ни о чем не спрашивая, поставил двойку.

Сема осознал, пришел домой, вымыл шею и уши и пошел пересдавать. И — опять двойка, поскольку Сема ни черта не знал.

Поняв, что одним мытьем Сема ничего не добьется, Семин папа тов. М. Х. Бэбский сел за руль собственной «Волги» и стал каждый вечер катать экзаменатора по ресторанам. Он катал его семь дней подряд — с понедельника по воскресенье включительно. На следующий понедельник Сема Бэбский получил по гигиене желанную тройку.

«Не мытьем, так катаньем»,— удовлетворенно резюмировал папа М. Х. Бэбский, не подозревая, что создает новое крылатое выражение.

СИЛЕН БРОДЯГА

Выражение «силен бродяга» пришло из жаргона футболистов группы «Б». Стоит только во втором эшелоне нашего футбола появиться сильному игроку, как его начинают переманивать, и вот он бродит-бродит из команды в команду, пока не выберется в класс «А».

Итак, если силен — будешь бродягой.

ДУБЛЕНКА

Импортный овчинный тулуп. Свое название ведет от английского слова «дубль», то есть двойной, поскольку купить дубленку можно с рук за д в о й н у ю цену.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция уведомляет, что отдел «Почему мы так говорим» ведется на широких общественных началах. Любой читатель, питающий интерес к языковедению и страсть к юмору, может принять участие в работе отдела. Итак, дальнейший прогресс лингвистики в ваших руках, товарищи читатели!

— Генерал! Вверенная мне рота оказалась на высоте!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Войцех ДРЫГАС

ВЫСОКАЯ МИССИЯ

Имя двадцатилетней американки Дэзи Дафф, несомненно, войдет в историю.

Эта красивая и грациозная девушка прибыла в Сайгон за несколько дней до неожиданно вспыхнувших уличных боев. Страшная паника, которую вызвала среди сотрудников посольства США атака южновьетнамских патриотов, передалась и Дэзи. Услышав стрельбу и увидев из окна гостиницы «Империал» бегство американских дипломатов, Дэзи подхватила чемодан и помчалась на аэродром.

Этот день для майора Филипса был днем тяжких испытаний: неподалеку от ангаров дымились обуглившиеся остовы двенадцати вертолетов; его отборный отряд морской пехоты, прижатый ночью к земле огнем минометов, ни за что на свете не хотел вылезти из дотов; на бетонном поле аэродрома вертелись в панике самоходные орудия, грозя раздавить собственные противозенитные установки. И вдобавок ко всем горестям еще эта впавшая в истерику девушка.

— Прошу прощения, мне очень неприятно,— ответил ей сухо майор Филипс,— но вы отсюда не улетите.

— А что мне может помешать! — гневно спросила Дэзи.

— Судя по вашим документам, вам в Сайгоне доверена важная миссия.

— Ерунда! — взорвалась Дэзи.— Я не солдат и имею право поступать как мне угодно! Я хочу сейчас же вернуться в Нью-Йорк!

Два жандарма сделали шаг вперед и преградили ей дорогу.

— Хватит этой комедии, котеночек. Возьмите себя в руки, иначе у вас будут неприятности.

Всхлипывая, Дэзи забрала свой багаж и на военной машине вернулась в гостиницу. Вскоре в номер к ней явился полковник, командир отряда парашютистов.

— Как дела, Дэзи! Все у вас о'кэй!

— Я хочу в Нью-Йорк,— рыдала Дэзи.— Я боюсь!

— Ну, ну, Дэзи, оставьте эти паникерские настроения, взгляните лучше в окно...

Дэзи осторожно отвела занавеску: недалеко на балконе занял позицию пулеметный расчет морских пехотинцев, внизу перед гостиницей застыло семь тяжелых танков, на крышах соседних домов разместились парашютисты...

— Все это для вашей безопасности,— сказал полковник.—Мы создали вокруг вас трехмильный оборонительный пояс. Мы подтянем сюда еще батальон огнеметчиков, и тогда все будет о'кэй! Вот так, Дэзи! Ведь вам здесь поручена важная миссия.

В этот момент зазвонил телефон. Полковник приложил трубку к уху и моментально вытянулся как струна.

— Это генерал, Дэзи! Он хочет с вами говорить!

— Генерал! — заволновалась Дэзи.— Я слушаю, господин генерал... Ах, как это мило с вашей стороны, что вы так со мной говорите... Конечно, если вы считаете, что этого требует тяжелое положение на фронте, я останусь! Да, господин генерал, я понимаю... Постараюсь быть храброй!

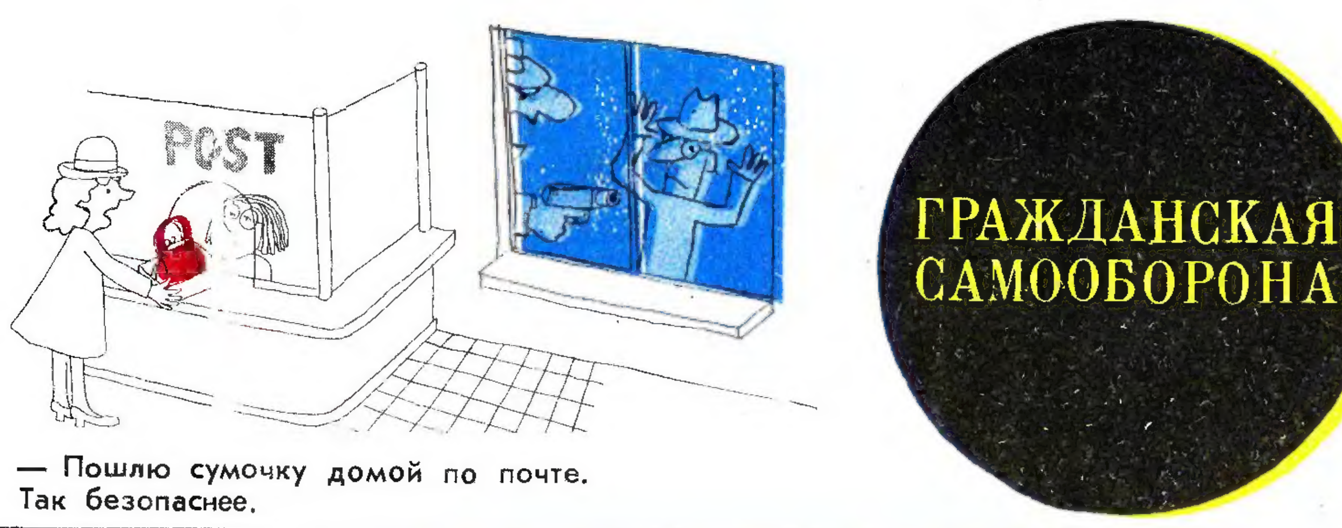
В тот же день, выполняя свою высокую миссию по поддержке духа штабных офицеров, Дэзи Дафф — единственная в Сайгоне американская звезда стриптиза — за одну ночь разделась пять раз.

Командование корпуса оценило заслуги Дэзи Дафф. Бесстрашная девица была награждена орденом за геройство перед лицом врага.

Перевел с польского
Н. МИЦКЕВИЧ.

ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА

— Пошлю сумочку домой по почте. Так безопаснее.

— Пойми, дорогая, мы не так богаты, чтобы каждый месяц менять оружие!

— Прошу в такси!

Рисунки
А. СЕМЕНОВА

Последний крик вашингтонской моды.

Эдуард БАСКАКОВ,
корреспондент ТАСС в Нью-Йорке

Чем пахнет Манхэттен?

Нос стоял на самом углу Бродвея и Пятидесятой улицы. В сущности, самый обыкновенный Нос. Он был в форменной фуражке, правда, без кокарды, но с выцветшей ленточкой по околышку, на которой можно было разобрать слова «Экскурсии по Нью-Йорку». Мимо Носа равнодушно текла людская толпа, дружно игнорируя выцветшую ленточку... А он стоял с грустным видом, прислонившись к автомату для продажи расчесок, мороженого и резиновой жвачки, и с видимым наслаждением принюхивался к сладковатому запаху жареных каштанов, которыми бойко торговал прямо из жаровни пожилой пуэрториканец.

Наметанным взглядом профессионала отметив, что я не тороплюсь, и почувствовав во мне потенциального клиента, Нос сделал шаг навстречу и, застенчиво улыбнувшись, сказал:

— Вы, кажется, приезжий, сэр... Не хотите ли потратить часок на экскурсию по городу? Поверьте, я могу рассказать вам кое-что интересное.

— Почему бы и нет? — решил я и поинтересовался, какую туристскую фирму представляет мой собеседник.

— Никакую, сэр,— несколько смутившись, ответил Нос.— Между нами говоря, меня выбросили на улицу: босс считает, то я однобоко информирую экскурсантов. А все дело в том, что я по понятным причинам уделяю особое внимание запахам. Я убежден, сэр, что обоняние — главная форма познания действительности. Вы сомневаетесь?

Какой смысл было спорить на эту тему с Носом? Я не стал спорить, и Нос, вежливо потянув за рукав, вовлек меня в водоворот Бродвея.

— Имейте в виду,— сказал мой чичероне,— что зрение обманчиво. Оно фиксирует лишь то, что лежит на поверхности. Зря говорят, что лучше один раз посмотреть, чем сто раз услышать. Но и слух отнюдь не надежен. Его тоже легко ввести в заблуждение, хотя бы пропагандистской шумихой. Осязание. Оно эффективно лишь в больших дозах, например, при столкновении с полицейской дубинкой. О вкусовых ощущениях и говорить не приходится: когда голоден, даже консервы для кошек кажутся настоящим бифштексом. Словом, несовершенно все, кроме обоняния, сэр. Я лично убежден, что лучше один раз понюхать, чем сто раз посмотреть. Особенно в Нью-Йорке.

Тем временем мы продолжали продвигаться по людным улицам, над которыми витали самые различные запахи.

— Позвольте вам напомнить,— продолжал свой рассказ Нос,— что букет Нью-Йорка всегда менялся и продолжает меняться как во времени, так и в пространстве. Доподлинно известно, что, когда голландские жулики, называвшие себя купцами (слова «бизнесмен» тогда еще не существовало), покупали у доверчивых, простодушных индейцев Манхэттен, на острове пахло океанскими бризами, сосной и земляникой. Но не успели жулики открыть ящик со стеклянными бусами, на которые они обменяли Манхэттен, как в воздухе запахло откровенным надувательством. Кстати, этот запах оказался на редкость устойчивым, и вы можете почувствовать его здесь даже сегодня, много веков спустя...

А вот если бы у вас нашлось время посетить улицу Хинсдейл в Бруклине, то там вам полезет в ноздри дым, который пахнет отчаянием. Жители улицы периодически сами поджигают свои дома-развалюхи, надеясь, что заправилы города предоставят им после этого сколько-нибудь приличное жилье. Правда, должен сказать, что эти надежды не оправдываются. Приезжают пожарные, гасят очередной пожар, дым развеивается, а вместе с ним развеиваются и надежды на лучшую жизнь. Зато все сильнее пахнет наплевательским отношением городских властей к самым насущным нуждам населения.

— Но ведь жители сами выбирают руководителей города? — задал я наивный вопрос.

— Разумеется, исход выборов в значительной степени зависит от предвыборных обещаний, которые дает избирателям тот или иной кандидат,— согласился Нос.— Однако сразу же после голосования туман предвыборных обещаний рассеивается... Конечно, многие жители протестуют, но над каждым участником такого протеста висит угроза попасть в облако слезоточивого газа. Вы, видимо, читали, что именно так произошло, например, в Детройте, Чикаго и многих других городах?

— В итоге избиратели остаются с носом,— поддержал я разговор, забыв, с кем имею дело. Пришлось извиниться. К счастью, Нос оказался не из обидчивых, и наша экскурсия продолжалась.

На Сорок второй улице в темноватых подъездах Нос предложил мне понюхать страшный дымок марихуаны. Сигаретами с марихуаной торговали здесь же, разумеется, из-под полы, недешево одетые джентльмены, которые производили впечатление весьма преуспевающих бизнесменов. А рядом сильно пахло самой обыкновенной подлостью: городские медицинские власти недавно открыли на Сорок второй улице — своеобразной черной бирже наркотиков — круглосуточно действующий донорский пункт. Даже самый оскудевший наркоман получил теперь возможность в любое время суток добыть в этом пункте несколько долларов за стакан крови и приобрести в соседнем подъезде гашиш или марихуану.

Мы гуляли по Манхэттену больше часа.

— Понюхайте, как сильно пахнет перспективой резкого роста безработицы,— сказал Нос, пробежав глазами заголовки вечерних газет, сложенных штабелями прямо на тротуаре у газетного киоска.

— Скажите, а вам не кажется, что почти все нью-йоркские запахи содержат ту или иную примесь запаха долларов? — спросил я у Носа, когда наша экскурсия уже подходила к концу.

— Сразу видно, что вы иностранец,— ответил Нос.— По американским понятиям, доллары абсолютно не пахнут. Кстати, с вас пять долларов за экскурсию. Пойду куплю сейчас жареных каштанов. Между нами говоря, я сегодня еще не завтракал...

Нью-Йорк.

Миниатюры

Рефик ЗЕКА

ВЛЮБЛЕННЫЙ

— Ты, говорят, влюблен,
Ахмед!
— Влюблен, Руфат!
Влюблен безмерно!
Она прекрасна, как рассвет!
— И свадьба близится,
наверно!
— Вопрос со свадьбою,
Руфат,
На пятьдесят процентов
ясен...
— А почему на пятьдесят!
— Один из двух уже
согласен!

Перевел с азербайджанского
Андрей ВНУКОВ.

Николай КНЯЗЕВ

НАХОДЧИВЫЙ ДРАМАТУРГ

На собственном спектакле
автор в ложе
Свистел со всеми вместе
что есть сил,
Чтоб зритель не узнал,
помилуй боже,
Что лично он все это
сочинил.

Игорь РОМАНОВ

ИСТИНА

Иные порой рассуждают,
Берясь за большие дела:
«Не боги горшки обжигают,
А значит,
Была не была!»
Однако притом забывают,
А помнить давно бы пора:
Не боги
горшки обжигают,
Но —
м а с т е р а.

Мих. ДВИНСКИЙ

ДЕШЕВО, ДА МИЛО

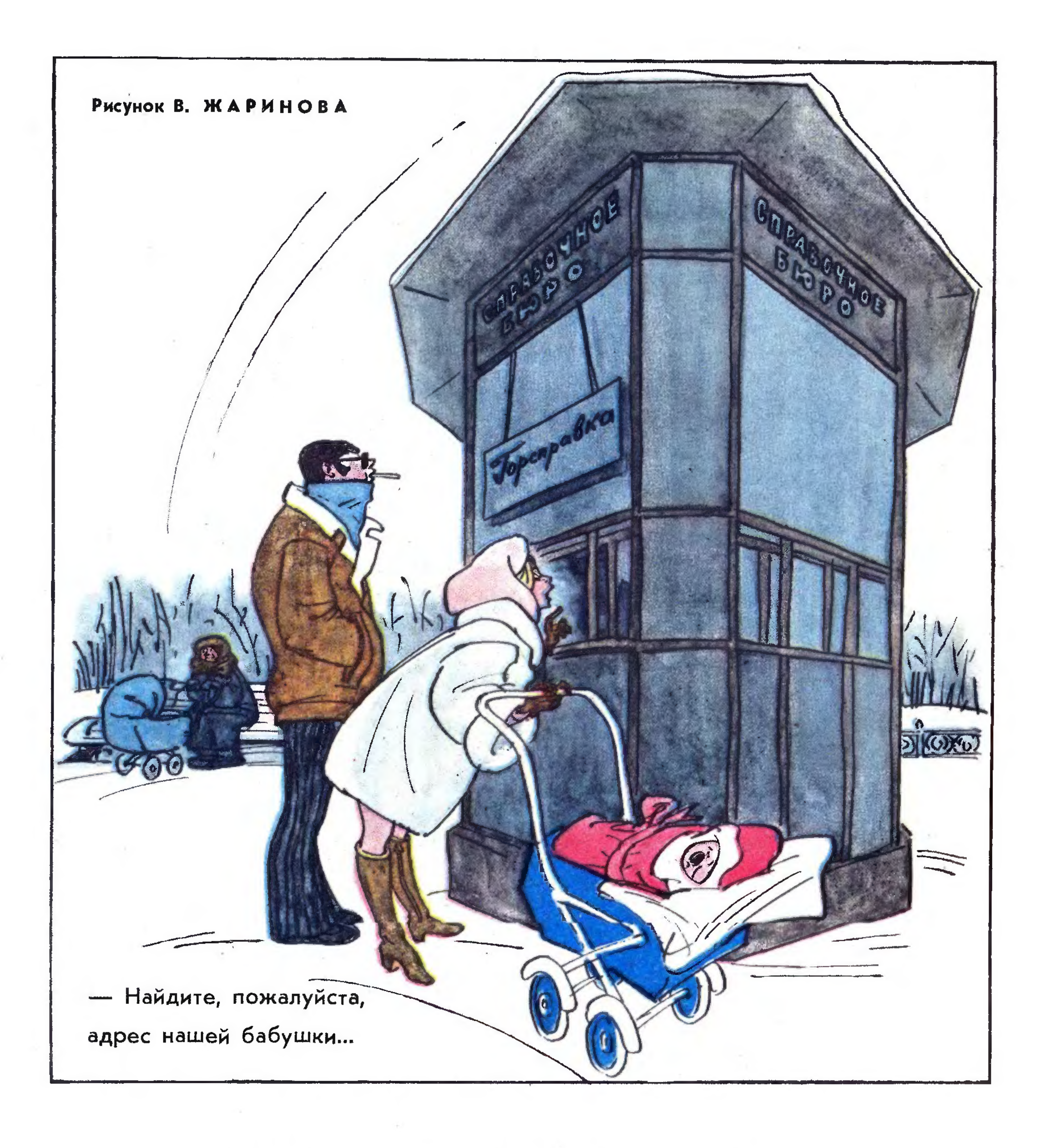
Предвкушение
отрадней
завершения,
Ожидание
приятней
обладания.
Нет поэтому
подарка
драгоценнее,
Чем красивые
пустые
обещания.

Сергей БОБРОВНИКОВ

В МАГАЗИНЕ

Я продавцу назад принес
Кастрюлю новенькую
с дыркой.
А он спокойно произнес:
«Вы, гражданин, опять
с придиркой...»
И чтобы не было придирок,
Мне предложил дуршлаг
без дырок.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Найдите, пожалуйста, адрес нашей бабушки...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

г. Ташкент. **Фото В. Диммель.**

Объявление!

Тов. квартиросъемщики!
26-го сентября лифт
в доме № 20 работать
не будет в связи с
поездкой в совхоз

Домоуправление №2

г. Выборг,
пр. Ленина, 18. **Прислал А. Иванов.**

«С 1 октября 1969 года водолечебница должна произвести закладку больных».

(Из служебного письма.)
Выписал Р. Щепан.
Николаевская область.

«Студии звукозаписи, расположенные по ул. Победа революции, № 128-а и в Артемовском районе на ул. Городской, производят запись на пластинке: поздравления, голоса детей и модную современную музыку с изображением на пластинке желания заказчика».

(Газета «Ленинское знамя».)
г. Шахты.

«Добросовестно выполняет все комсомольские поручения. Правда, комсомольских поручений никаких не имеет».

(Из характеристики.)
Копию снял С. Тройго.
г. Владивосток.

(Плакат на Макаронной фабрике).

г. Чита. **Фото О. Мохова.**

«Товарищи родители! Дети в шестой группе. Остатки на улице».

(Объявление в московском детском саду № 1912.)
Списал В. Иринин.

Егор ГОРОХОВ, Руслан КИРЕЕВ, специальные корреспонденты Крокодила

КИСЛОВОДСКИЙ РЕПОРТАЖ

Поэтическим вниманьем
Он избалован, Кавказ.
Не тревожьтесь, мы не станем
Снежных шапок описаньем
Утомлять сегодня вас.
Не намерены мы длинно
Воспевать, войдя во вкус,
Ни Нарзанную долину,
Ни Машук и ни Эльбрус.
Что там горы! Что там тучки!
Что могучая гряда!
Им с экзотикой толкучки
Не сравниться никогда.
С нами в путь, читатель зоркий!
Солнцем кожу опалив,
Кисловодской барахолки
Вы увидите разлив.

Кофты, шапки, юбки, платья...
Где начало, где конец!
Каждый третий — покупатель
Заодно и продавец.
Как на мощной карусели,
Вас затыркали, кружа.
Оглянуться не успели —
Вам примерили пиджак.
Вы долой его и — деру!
Но, мгновенье подгадав,
Гражданин с лицом актера
Вас хватает за рукав.
— Если вам продать что-либо,
Я готов со стороны
Прищениться.
Я хвалил бы,
Я давал бы три цены.
Покупателя вдвоем
С толку живо мы собьем.
Надо — я покритикую.
Надо — малость поднавру.
За комиссию такую
Семь процентов я беру.
Это как в комиссионке.
Но у нас различья тонки:
Жалок наш комиссионный.
Мал и хил, скажу я вам.
Он товар не примет оный,
Я ж — согласен. По рукам!

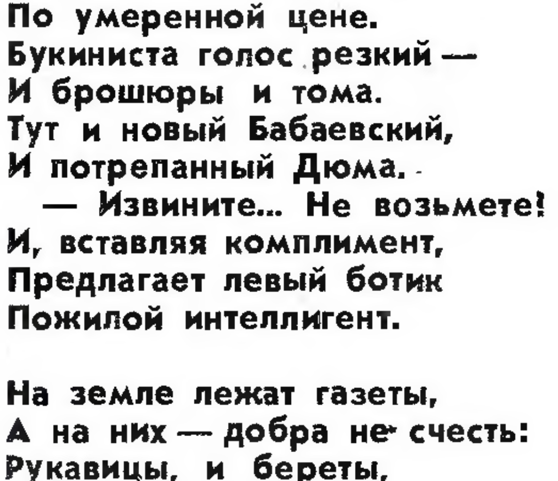
— Не желаете ли штапель!
— Есть настойка из травы...
— Эй, послушайте-ка, шляпа
Продается с головы!
— Вам какая! Их же две
У меня на голове.
— Норка есть. А коль
не к спеху,
Я вам на дом принесу
Из искусственного меха
Натуральную лису.
— Эй, мужик, почем пижама!
— Что такое! Вы ко мне!
Полюбуйтесь-ка на хама!
Я еще покамест дама!
И пока еще вполне...

Лакированных сапожек
Разноцветный батальон,
«Водолазки», босоножки,
Куртки замшевые, брошки,
Мини-зонтики, сережки,
И шиньоны, и нейлон.
Мясорубка и заколки,
Холодильник и седло...
К эпицентру барахолки
Вас потоком занесло.
Давят слева, давят справа,
Локти — будто бы клинки.
Защищайте-ка суставы!
Охраняйте позвонки!
Ну, а если уцелели
Ваши зубы не вполне —
Вот подержанная челюсть
По умеренной цене.
Букиниста голос резкий —
И брошюры и тома.
Тут и новый Бабаевский,
И потрепанный Дюма.
— Извините... Не возьмете!
И, вставляя комплимент,
Предлагает левый ботик
Пожилой интеллигент.

На земле лежат газеты,
А на них — добра не счесть:
Рукавицы, и береты,
И костюмы, и жилеты,
И платки, и просто шерсть.
Люди гор кругом живут.
Люди гор овец стригут.
Сдать бы весь товар, но только
Магазинов, как на грех,
Нет таких. Лишь барахолка
Отдувается за всех.

«Крестоносица»

«Манекенщица»

— Купи, дорогой: шиньон моей бабушки!

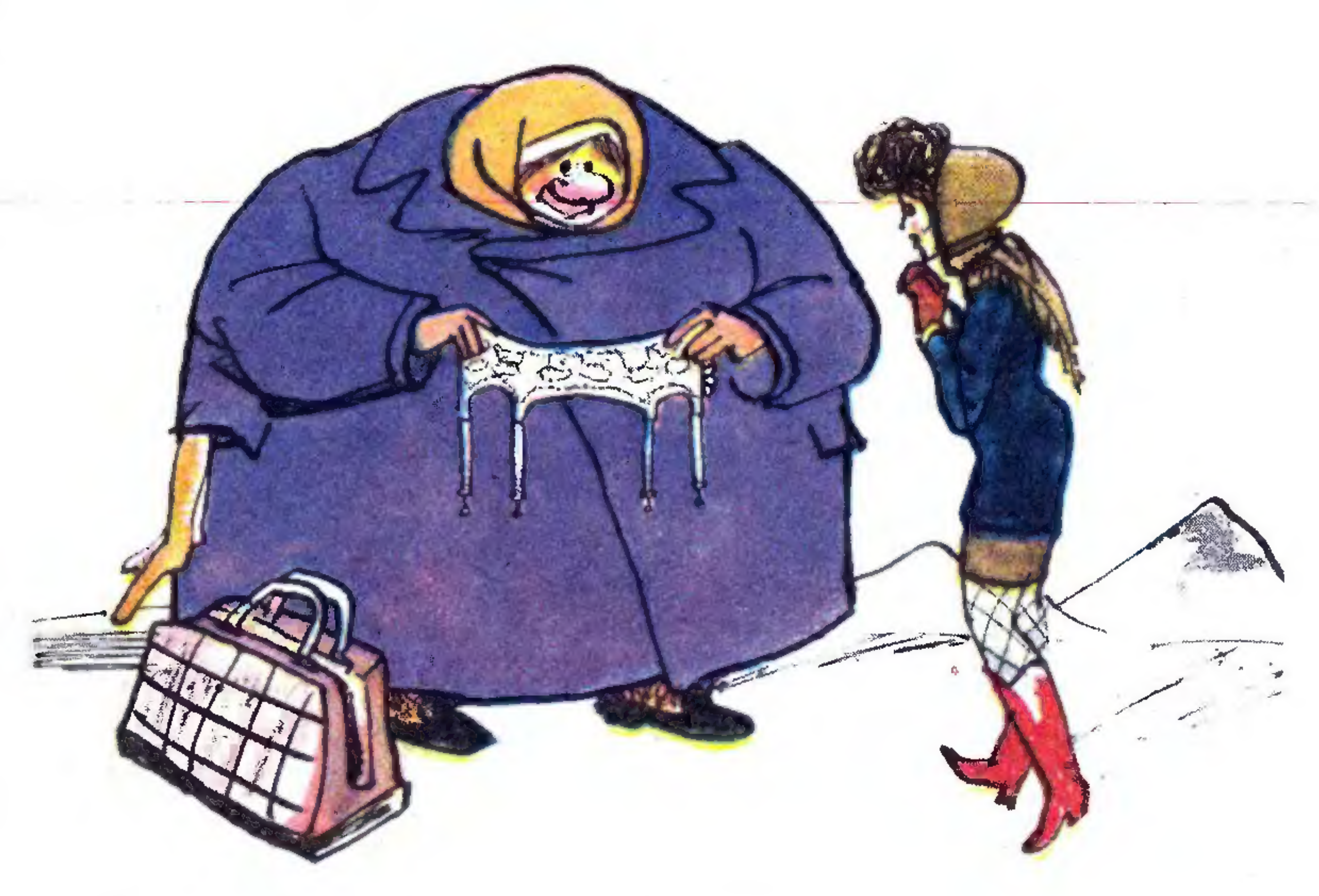
Стол из ящиков отгрохав,
Разместился тот субъект,
Чей портрет Егор Горохов
Поместил в альбом к себе.
А пока он помещал,
Тот его увещевал:
— Чудо-плащ у вас, не скрою.
Дам вам сотню хоть сейчас.
А впридачу всей семьею
Зарисуемся у вас...
И соблазнами и вздохом
Совратить субъект хотел.
Но напрасно! Был Горохов
На моральной высоте.

В стороне, где нету давки,
Примостились автолавки.
Это — царство госторговли
В царстве — тишь да благодать.
Покупатель где! Готов ли
Он хоть что-то покупать!
Устаревшей моды платья...
Юбки длинные, плиссе...

Эх, да что там покупатель!
Продавцы, и то не все:
По «толчку» во все концы
Разбежались продавцы.
А куда же им деваться!
Где найти себе наряд!
Разве модно одеваться
В госторговле не хотят!

Барахолка пышет жаром.
Колобродит все вокруг.
Горы пестрые товаров
В полчаса сбывают с рук.
Горы целые... Не много ль!
Но Эльбрус стоит пока.
Цел Эльбрус. А все ж тревога
Гложет сердце старика:
«Вдруг возьмут да продадут,
Сколько за меня дадут!»

г. Кисловодск.

— Не стесняйся, зайди за меня и примерь.

СТОЛЬКО ПИВА...

В Москве дело было. Человек по фамилии Никаноров пошел в баню. Но не париться он туда направился. Он был жуликом, этот Никаноров, и в бане его увлек киоск со всякой банной всячиной, в который, если как следует постараться, можно было пролезть через раздаточное окошко.

Пролез. Внутри — мыло, мочалки, сигареты, баранки... Бочка стоит в углу. А денег в кассе нет.

Огорчился Никаноров, закурил дармовую сигарету, на бочку сел и ножками по ней забарабанил.

Но плохо барабанится. Слез с нее Никаноров, смотрит: ко дну этикетка приклеена — «Пиво Жигулевское».

— Эх-ма! Хоть пивком утешиться!

Ввернул насос, накачал кружку, выпил. Еще одну. Покурил. Опять выпил пару кружек, еще покурил. Торопиться некуда — ночь. Сидит, покуривает, пиво потягивает, о жизни думает.

Потом уходить собрался: не лезет больше пиво, хоть и дармовое.

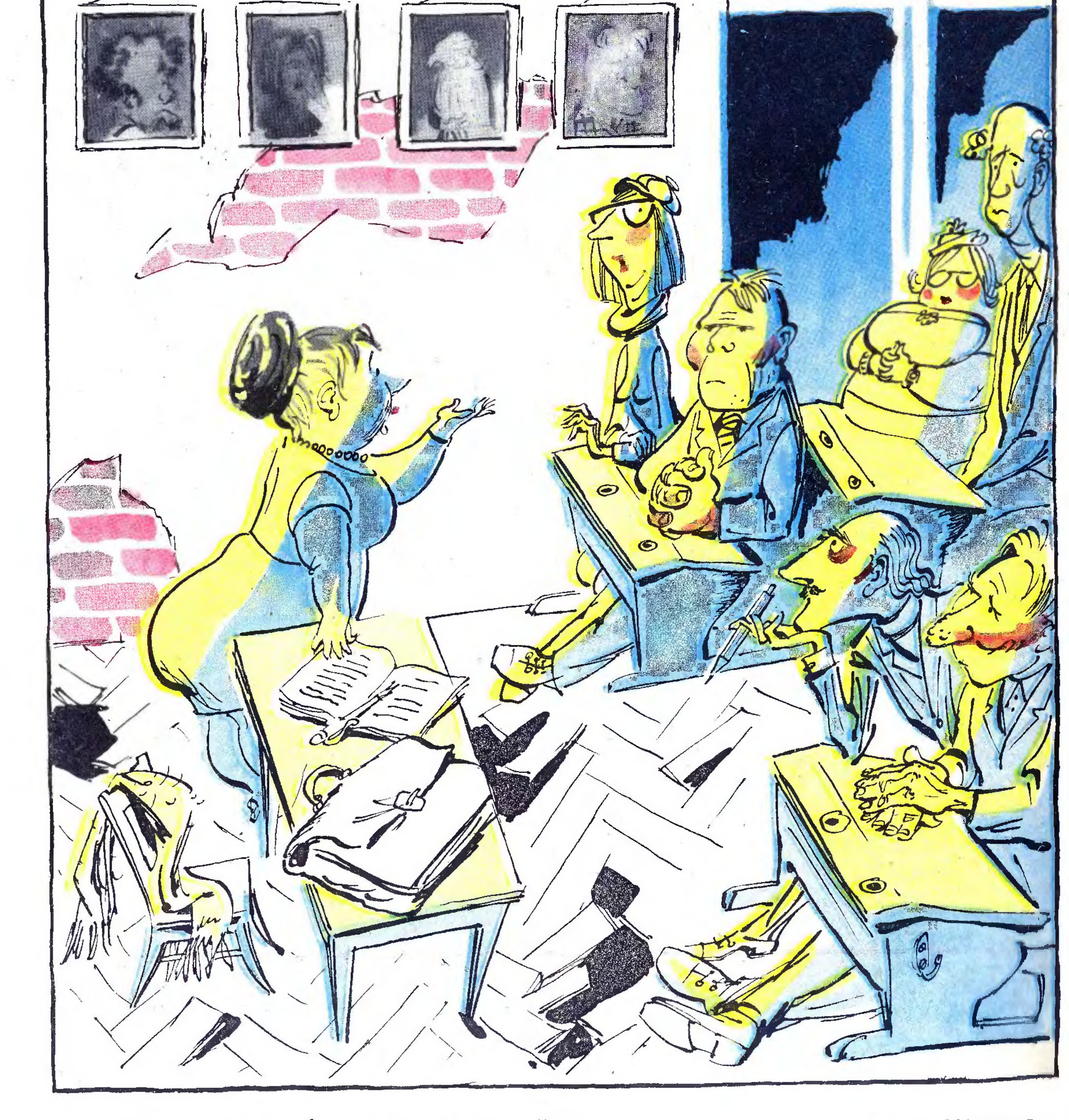
Сунулся в окошко, а пиво и туда не лезет. Столько его в организм влито, что растолстел организм до полной невылезаемости.

И с разбегу-то кидался бедный жулик и задом-то наперед пробовал выбраться — все без толку. Так и сидел, как в мышеловке, пока баню не открыли да милицию не вызвали.

Так что чрезмерное потребление даже слабоалкогольных напитков не доводит до добра.

И. КАРАСЕВ,
лейтенант милиции

— Я предлагаю выбрать в родительский комитет штукатура Иванова и Сидорова — паркетчика!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Сади РУДЯНУ

ИНТЕРВЬЮ

Талантливый джазовый тромбонист Доре Мисоль недавно вернулся из Тромбонии, где принимал участие в конкурсе тромбонистов. Как известно, он получил там почетный диплом за самую громкую игру.

По прибытии Доре Мисоля в аэропорт Вэняса я обратился к нему с несколькими вопросами.

РЕПОРТЕР. Что вы можете сказать нам сейчас, выйдя из самолета?

ДОРЕ МИСОЛЬ. Вы не представляете себе, как скучаешь вдали от родных мест!

(На самом деле он зубами и ногтями дрался за эту поездку.)

РЕПОРТЕР. Насколько мне известно, вы добились успеха?

ДОРЕ МИСОЛЬ. О да! Хотя были присуждены всего три диплома, один из них получил я. Так что это, конечно, успех! Получить из трех дипломов один — это все-таки...

(Что были присуждены еще три главные премии — об этом он умалчивает.)

РЕПОРТЕР. Много ли музыкантов участвовало в конкурсе?

ДОРЕ МИСОЛЬ. О да... Шесть... или нет... семь... Но седьмой ничего не получил. Понимаете, он приехал с трубой, не зная, что это конкурс тромбонистов!

РЕПОРТЕР. А как проходил конкурс?

ДОРЕ МИСОЛЬ (вздыхая). Ах, было очень, очень трудно! Представляете себе, мне предстояло победить таких тромбонистов, как Филипп Моррис из Англии и Галуаз из Франции. Да еще жюри, о котором я не сказал бы, что оно было полностью беспристрастно!

(И таким образом, его диплом становится чем-то вроде первой премии, чем-то таким, что можно получить один раз в сто лет.)

РЕПОРТЕР. Вам понравилась Тромбония?

ДОРЕ МИСОЛЬ. Да! Это страна со старыми тромбонистскими традициями, с весьма взыскательной публикой.

РЕПОРТЕР. А как вы проводили свободное время?

ДОРЕ МИСОЛЬ. Ах, чрезвычайно плодотворно! Мы осматривали город и, само собой разумеется, выставки, музеи, памятники...

(Нам предлагают поверить, что ни один из них ни разу не переступил порога кабаре, ни один ни разу не посмотрел стриптиз. Все ходили по выставкам и музеям.)

РЕПОРТЕР. От души поздравляю вас и желаю большого счастья!

ДОРЕ МИСОЛЬ. Прошу извинить меня, но через четверть часа у меня занятия.

РЕПОРТЕР. Как, вы едва успели вернуться и уже возобновляете занятия?

ДОРЕ МИСОЛЬ. В том-то и состоит секрет успеха. Труд, труд и еще раз труд!

(И направляется прямо в ресторан, где его ожидают друзья.)

Перевод с румынского.

Ядвига РУТКОВСКАЯ

КИНО В КИНО

Свет погас, и пошел фильм.

— Видишь? — осведомилась жена.

— Конечно, вижу,— хмыкнул муж.

— Да не на экране, а перед нами. Это возмутительно!

— Пожалуйста, потише,— сказал кто-то справа.

— Извините! — шепнул муж вправо и сказал жене налево: — Тебе что, жалко, что они целуются?

— Тсс! Тихо! — раздался уже целый хор голосов.

Муж занервничал.

— Слышишь, Зося, это все из-за тебя. Прекрати шипеть.

— А ты им скажи, чтобы они раздвинули головы, ничего из-за них не видно!

— Подвинься ко мне или давай поменяемся местами!

— Буду я мучиться из-за этих бесстыжих, распущенных типов...

— Может, все-таки закроете пасть?— заметил кто-то сзади.

— Хам! — пискнула жена.— Ничтожество!

— Снова ты... Хватит! — сказал муж.— Во всем мире молодые люди целуются в кино. Что в этом ужасного? Я и сам когда-то был молодым...

— Что?.. — с интересом спросила жена.— Что-то я такого не припомню. Но теперь я понимаю, почему ты этому потакаешь!

— Неужели там впереди некому заткнуть пасть этим балаболкам? — настаивали с тыла.

— Я вам это припомню! — пискнула жена.

— Успокойся, Зося!..

— Неужели ты можешь выслушивать подобное?

— С тобой невозможно ходить в кино!

— А с тобой и подавно!

— Боже мой, перестань, нас же попросят выйти!

— И это говорит мужчина! Ты, видимо, боишься этого молокососа? Эй, молодые люди! Вы долго еще будете лобызаться?

— В чем дело? — повернулся молодой человек.— Вы что-то хотите спросить?

— Я хочу, чтобы вы соблюдали приличия. Что вы делаете со своей бесстыжей девчонкой? Мы не можем смотреть фильм. Такие вещи делают дома, когда никого нет.

— Вам хорошо говорить,— обиделся парень.— А я живу в общежитии. Может, вы нас к себе пригласите?

— Бессовестный молокосос!

Это были ее последние слова. Билетер взял ее под руку и вывел из зала. Муж поплелся за ней.

А в общем, они ничего не потеряли. Фильм был скучный, и вообще никто ничего не понял.

Перевод с польского.

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ДЕД ПРОКОП В ИНСТАНЦИЯХ

Целых сто лет главным зданием села Бешпагир и сомнительным его украшением была приземистая каменная церковь. Потом бешпагирцы церковь развалили, а из добытого таким образом строительного материала возвели новое главное здание — колхозный клуб.

Как именно должен выглядеть клуб, никто тогда в точности не знал. Поэтому и получился он очень похожим на овечью кошару, только со сценой внутри. Такой культурный очаг первое время вполне устраивал колхозников. Когда же начали поговаривать, что уж больно клуб неказист да и тесноват стал, обычно раздавался скрипучий стариковский голос:

— И такой сойдет! Не в городе живем... Не в столицах...

Голос принадлежал деду Прокопу, местному философу и ретрограду. Эти же самые слова дед изрекал и во многих других случаях.

Привезут в сельпо залежавшуюся на складах, страшноватой расцветки материю, бабы и девки начнут скандалить, а Прокоп тут же напомнит им, что живут они не в городе. В селе-де и не такое сойдет.

Станут люди на собрании требовать, чтоб заасфальтировали тротуары, опять из задних рядов реплику подает — село, мол, не город.

Давно уже помер дед Прокоп. А жизнь в селе продолжалась своим чередом, все больше равняясь на городскую. Появились добротной кирпичной кладки десятилетка и хорошая больница, детсад, библиотека, стадион. А совсем недавно колхоз «Заветы Ильича» открыл в Бешпагире еще и новый Дом культуры со зрительным залом на шестьсот кресел и с десятком других комфортабельных помещений. Здание и снаружи и внутри самое современное, любому городу на зависть.

Но пока его строили, все время поминали деда Прокопа.

— Первый раз деда вспомнили, когда выбирали проект,— говорит председатель колхоза Василий Андрианович Рындин.— Перелистали несколько типовых, рекомендованных центром и заскучали. Ну вроде бы создавались они при консультации покойного Прокопа и под девизом «Для села сойдет!». И получились казенные здания либо вовсе без фасада, либо с уродливыми, безвкусными фасадами и неудобными помещениями. Все же бешпагирцам удалось добыть проект, который их устраивал. Да вот беда: он не устраивал подрядчика — Межколхозстрой.

— Запроектированных для перекрытий железобетонных балок у нас нет и не будет,— сказали инженеры.— А и были бы, так все равно поднимать их нечем. Кранов таких нема! Придется делать фермы сварными из спокойной стали. Бывает такая. Конечно, у нас ее тоже нема. Даем вам, заказчики, боевое задание: достаньте нужный металл.

Поиски спокойной стали вывели из строя В. Рындина и его коллег по правлению на несколько месяцев. Обнаружили сталь в соседнем Краснодарском крае. Бухнулись владельцу в ноги, выпросили. Потом долго искали сварщиков.

— Да разве мы только на Кубань подавались? — восклицает Василий Андрианович.— Наш Дом культуры строила вроде бы вся страна. Или по крайней мере полстраны. Двери и оконные рамы, так называемую столярку, вырвали мы в Молдавии. Стекло и пластик выбили на Украине. Мраморную крошку выцарапали в Грузии. Светильники выклянчили в Ростовской области. Заказ на портьеры и занавес вымолили принять в Москве. А уж краски, олифу выманивали и выменивали где только удавалось. А надеяться на плановое снабжение — это же все равно, что ждать милостей от природы!

— Не вас должны снабжать, а подрядчика вашего — Межколхозстрой. Ему ведь что-то планируют?

— Конечно! — охотно подтвердил Рындин.— Но решает, что именно дать для села, все тот же дед Прокоп, оказавшийся и в планирующих инстанциях. А дедовы рассуждения известны: село не город, село обойдется чем поплоше. Поэтому-то современные строительные материалы и особенно отделочные отпускают Межколхозстроям по нормам самого голодного пайка. А ведь Дом культуры нельзя отделать чем попало и кое-как? Вот и впрягаешься в снабженческую лямку!

Оказалось, что дед Прокоп, чудом воскресший и занявший ответственный пост в планирующих инстанциях, сильно обижает колхозных строителей и по части снабжения механизмами. Подъемные краны даются им такие слабосильные, экскаваторы столь маломощные, будто в селах крупнее пожарного сарая ничего не строится.

Не удивительно, что на строительство бешпагирского Дома культуры подрядчик смог пригнать лишь два механизма:

а) маленький, хилый, вечно ломавшийся автокраник и

б) трактор с секретом.

Секрет заключался в том, что ночевать трактору полагалось обязательно на бугре, а не на ровном месте. Утром его с бугра спихивали, иначе трактор не заводился.

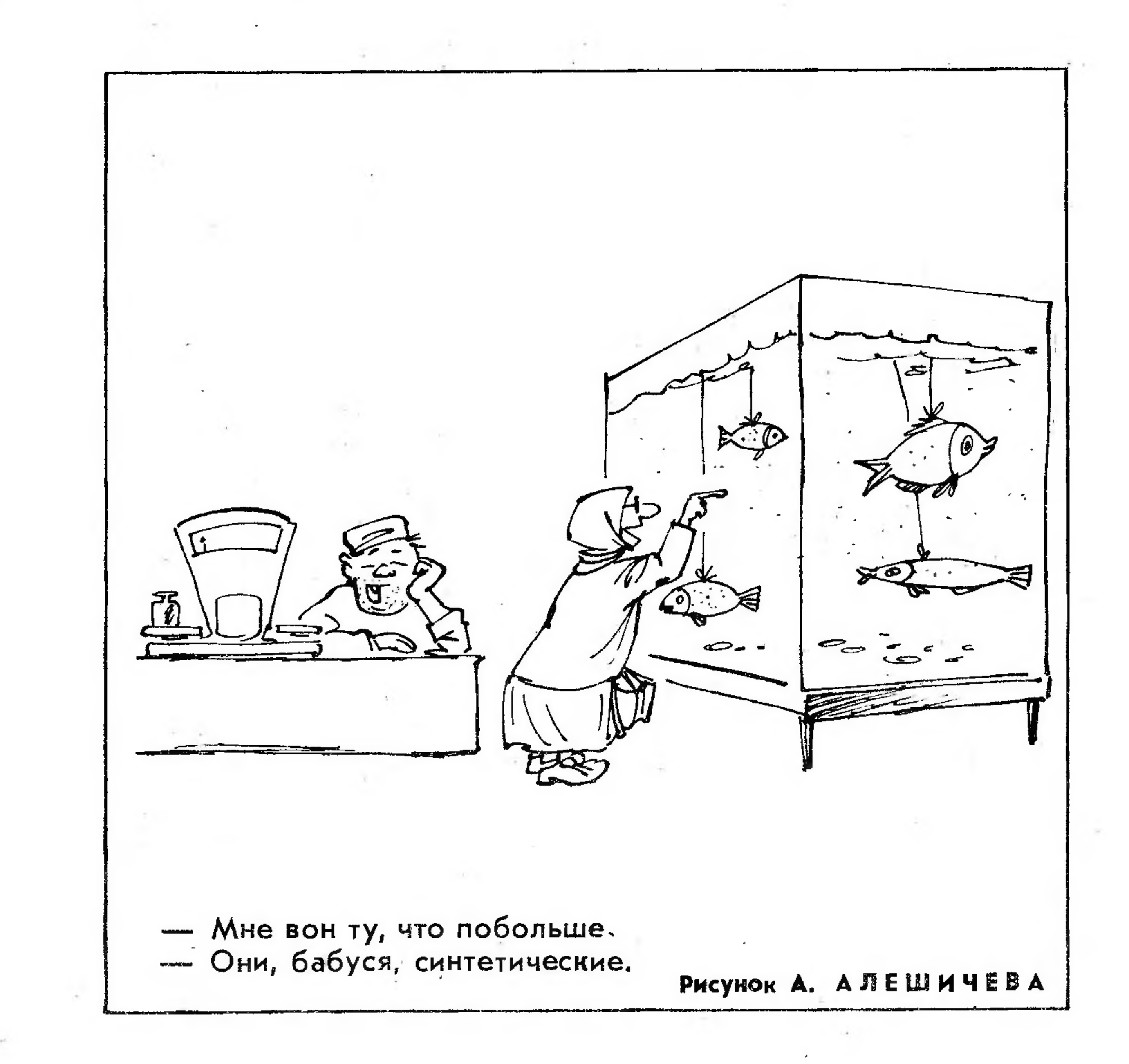
И с первых же дней работы Рындин не только снабжал подрядчика материалами, но и вечно от него слышал:

— Дайте бульдозер! Одолжите экскаватор! Найдите нам самосвал!

За последние два-три года в селах Ставрополья построено больше шестидесяти домов культуры и клубов, за сотню перевалило количество новых школ, детских садов и яслей. Воздвигнуто не только это. И почти повсюду повторялась бешпагирская история: многие материалы добывали сами же заказчики, техники не хватало, работы затягивались.

Задача строителя ответственна и почетна: помогай да покрепче стирать грань между городом и селом! Но между самими-то строительными организациями — городскими и сельскими — грань не стерта. Наоборот, в иных инстанциях такую грань четко проводят. Исходя из грани и планируют, выделяют, дают. Не в столицах, мол, живут. Сойдет!..

Ставропольский край.

— Мне вон ту, что побольше.
— Они, бабуся, синтетические.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

В доме врача звонит телефон — друзья вызывают его играть в преферанс.
— Дорогая,— говорит он жене,— я должен срочно ехать в больницу.
— Серьезный случай?
— Думаю, что да. Три врача уже на месте.

●

На марше лейтенант, проверяя способность солдат ориентироваться, спросил:
— Рядовой Смит, в каком направлении мы идем?
— К югу.
— Почему вы так решили?
— Мне становится все жарче и жарче.

●

— Не пойти ли мне сегодня куда-нибудь поразвлечься? — задумчиво говорит муж.
— Отлично придумано, дорогой! Если придешь домой первым, оставь свет в коридоре.

●

— Хэлло, Боб! Тебя ищет шериф. Он подозревает, что ты убил сенатора Грина. У тебя есть алиби?
— Конечно. Я в это время приканчивал священника Брауна!

●

— Взвесьте, пожалуйста, два фунта винограда, сэр. Это для моего мужа. Скажите, а виноград был опрыскан ядохимииатами?
— Нет, но вы можете нупить ядохимикаты в соседнем магазиие.

●

В конструкторское бюро принят новый инжеиер. Спустя некоторое время директор завода спрашивает начальника КБ:
— Ну, иак новенький? Он производит впечатление очень трудолюбивого работника.
— Это его единственное достоинство.
— Трудолюбие?
— Нет, умение производить впечатление.

●

Художник — иоллеге:
— Был на выставке. Должен сказать, единственные картины, которые можно там посмотреть,— это твои...
— Спасибо, дружище!
— Перед другими все время толпа.

●

Муж приходит домой и с восторгом сообщает жене:
— На этот раз шеф уже не отделался пустыми обещаниями. Он сказал, что как только рождество и пасха придутся иа один и тот же день, ои повысит мне оклад.

по тому же поводу...

Не скучайте, получайте!..

Сконфузившись и стыдливо потупив глаза, признаемся: да, уважаемые сограждане, ошиблись. Дали маху. Пошли на поводу, не предвидя возможных последствий.

Пошли мы на поводу у товарища И. Чарского, жителя города Львова. Это он, прочитав заметки «Издалека долго...» в № 7 и «Поздравили...» в № 10 «Крокодила», отписал нам письмецо, которое мы опрометчиво поспешили напечатать в № 15 журнала.

«Я на первом месте» — так самонадеянно называлось его письмо.

А дело в том, что в первой заметке приводился случай, когда почтовая открытка шла от одного гражданина города Усть-Кут, Иркутской области, к другому — чуть ли не иа соседнюю улицу — аж 18 дней. Во второй же заметке москвичка О. Шумяцкая рассказывала, что открытку от своей московской приятельницы она получила через 73 дня. И вот И. Чарский, который вынул из почтового ящика поздравительную открытку от своего львовского же друга на 131-й деиь после отправки, решил, будто он абсолютный чемпион по этой части. Он так, посмеиваясь, и написал:

«Если бы ты, дорогой Крокодил, объявил иронический всесоюзный конкурс на самое медленное продвижение почтовых отправлений, мне бы он, во всяком случае, был не страшен. Первое место все равно осталось бы за мной!»

Ну, мы сгоряча и доверились И. Чарскому. Тоже решили, что 131 день — это уж такое безобразие, что дальше ехать некуда. А теперь вот раскаиваемся.

Нет, Иван Данилович, не обольщайтесь. Никакой вы не чемпион. Есть граждане с куда более внушительными результатами. Почемпионистее вас.

Каждый из них, понятно, тоже претендует на первенство в необъявленном конкурсе. Но мы за это время помудрели и запросто швыряться почетным званием чемпиона не намерены. Посиольку нас теперь почтовыми темпами никто не удивит.

Даже Катя Бреднева из г. Волжского, получившая открытку из Севастополя через 4 месяца 25 дней.

Даже москвич Н. Барамбоим, к которому письмо от его московских же друзей путешествовало 8 месяцев 4 дня.

Даже Н. Волохов, проживающий в г. Макеевке (письмо со станции Комаричи, Брянской области, пришло к иему через 10 месяцев и 21 день).

Даже Лука Иванович Панченко, которому его старый друг Петр Васильевич Мочалов послал поздравительную открытку, полученную — все равно не угадаете! — через 5 лет 6 месяцев 11 дней.

Между прочим, Л. И. Панченко живет на станции Каменоломни, а П. В. Мочалов — рядом, в городе Шахты. И они друг к другу частенько наведываются в гости. Пятнадцать минут на автобусе — и милости просим. А тут таиое дело!

И не удивит нас даже С. А. Чапова из гор. Саратова, к которой письмецо из гор. Стерлитамака прилетело через 5 лет 10 месяцев 21 день.

Не удивляют нас эти милые сюрпризы вот почему: если сравнить обычную почту с более скоростными средствами связи, то двигаться письму или открытке годами и месяцами сам бог велел.

Скажем, из Одессы в Харьков самолет летит час десять минут, а письмо в этом самолете трясется почему-то шесть суток. Обыкновенное письмо из той же Одессы в город Балаиово, Саратовской области, прибывает на четвертые сутки, а то же самое письмо, вложенное в конверт «Авиа»,— только на шестые. И вообще: хотелось бы взглянуть на тот быстрокрылый лайнер, который вез письмо гр-ке В. Потылицыной из Ленинграда в Краснодар 14 суток...

Но мы готовы совсем уже вчистую оправдать многолетние скитания простых почтовых конвертов, ознакомившись с телеграммами замедленного действия, ковыляющими по проводам как-то очень уж вразвалочку.

Идя навстречу работникам Министерства связи, предпочитающим краткость и деловитость, будем телеграфно отрывисты:

Телеграмма Киев — Москва шла 14 с лишним часов.

Москва — Симферополь — сутки.

Семипалатинск — Красно я р с к (срочная!) — трое суток.

Сыктывкар — Намск (Коми АССР) — семь с лишним суток.

Шекафтар (Киргизия) — Благовещенск, Амурской области — 11 суток.

Хабаровск — Ташкент — 13 суток.

Мы провели ревизию средств связи на упомянутых выше маршрутах. Рады доложить, что ни почтовых карет, ни гонцов-скороходов нигде не обнаружено. Темпы передвижения по стране почтовых и прочих отправлений в целом выдерживаются на уровне ураганных скоростей нашей эпохи. Чем же в таком случае объяснить затяжные миграции иных конвертов, открыток и телеграмм?

Здесь возможны только догадки. Вот одна из них, которая кажется нам правдоподобнее других.

Очень уж нынче пошла мода на художественное оформление. Что ни конверт — вид на озеро Байкал, что ни открытка — сюжет из «Сказки о царе Салтане», что ни телеграфный бланк — пышные хризантемы. Сортирует-сортирует на почте эстетически чуткая девушка прорву такой красотищи да, глядишь, и не выдержит: прикнопит особо впечатлительную картинку над своим столом, чтобы всласть полюбоваться, а отнюпить потом и забудет. День пройдет, месяц, год... Ну, а когда уж вдоволь надоест картинка, тогда ее в очередную почту — и адресату. Не скучайте, получайте, кто заждался, кто влюблен!..

Впрочем, это только наша гипотеза, и мы, разумеется, оставляем за Министерством связи полное право на его собственную версию.

Надеемся получить ее обычной почтой в самые сжатые сроки. Ну, годика хотя бы через два. Не позднее.

В. АЛЕКСАНДРОВ

«Не завести ли ЭВМ?»

Сухумский педагогический институт решил приобщиться к техническому прогрессу. Он приобрел для студентов физико-математического факультета электронно-счетную машину «Урал-1».

Перекинули это чудо техники стоимостью около 112 тысяч рублей с баланса министерства на баланс института и поместили в старый сарай. Там машииа и простояла больше четырех лет, тщетно ожидая, когда же с нею познакомятся любознательные студенты.

Об этом прискорбном факте говорилось в фельетоне Я. Герсамия «Не завести ли ЭВМ?» («Крокодил» № 2). После опубликования фельетона дорогостоящая электронно-счетная машина была наконец извлечена на божий свет, дотошно осмотрена специальной комиссией пединститута во главе с проректором Ш. Басилая и признана совершенно негодной к употреблению... Казалось бы, все ясно. Тут бы комиссии и сделать строгие выводы.

Но комиссия, с удовлетворением отметив полную непригодность машины, ограничилась констатацией того фаита, что Сухумский педагогический институт «не имеет соответствующей материально-технической базы, инженерно-технического персонала и помещения для монтажа указанной машины».

Вот так штука! А четыре года назад что же, не было известно об этом? Неужели только после вмешательства «Крокодила» стало ясно, чего институт не имеет и чем он не располагает?

Комиссия, между прочим, записала еще и следующее: «Считаем целесообразиым машину «Урал-1» передать заинтересованной организации для использования ее как недействующей модели...» Интересно, кого здесь имеют в виду? С нашей точки зрения, самыми заинтересованными организациями в данном случае должны быть как минимум местные органы народного контроля или прокуратуры. Они смогли бы использовать и иедействующую модель в качестве вещественного доказательства вопиющей бесхозяйственности.

Георгий ЛАДОНЩИКОВ

Телеграммы

ЗУБНОМУ ВРАЧУ

Ты бессердечен,
некультурен, груб!
Я буду жаловаться!
Выдернутый Зуб.

ШОФЕР — АВТОИНСПЕКЦИИ

Ты не права,
Верни права!

САПОЖНИКУ

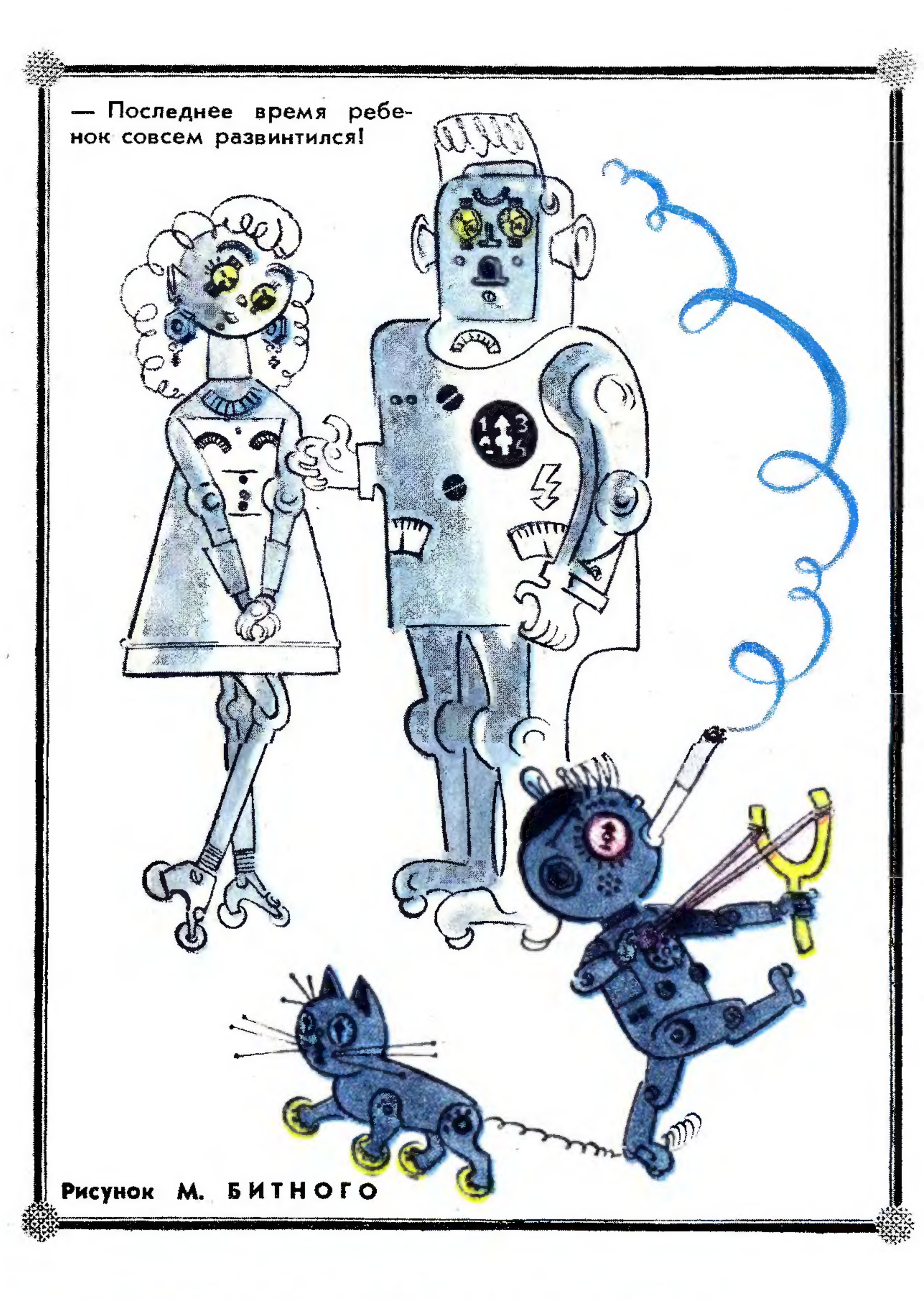
Я не видала врага
Злей твоего сапога.
Носи его сам!
Нога.

ПОКУПАТЕЛЬ ПРОДАВЦУ

Я вежлив был с тобой и
весел,
И все же ты меня
обвесил.

ДИРЕКТОРУ ХИМЗАВОДА

Нет на тебя, видать,
управы,
Все льешь и льешь
в реку отраву.
Тебя бы в этакую грязь!..
Карась.

— Последнее время ребенок совсем развинтился!

Рисунок М. БИТНОГО

МИМОХОДОМ

Запятые расставит и корректор, но точку должен поставить автор.

Радуге урезали смету. Пришлось ограничиться пятью цветами.

Получил лицензию на пародирование двух поэтов.

«Я вложил в любовь целое состояние!» — воскликнул он, подсчитав сумму алиментов.

В. КОНЯХИН

К сожалению, мы не столько выезжаем, сколько наезжаем на природу.

Графоману присудили премию за рассказ «Как я бросил писать».

Пушкина читала тайком. Что делать, если муж — поэт?

Заключение медкомиссии: «Практически жив».

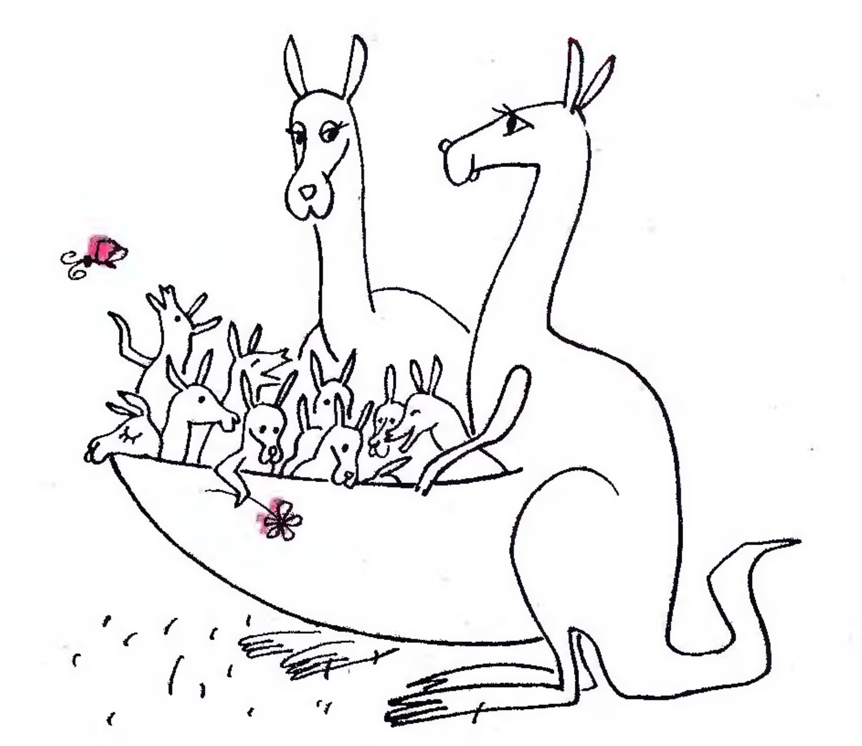
Мучительно остроумный человек.

Завистники задушили честолюбца фимиамом.

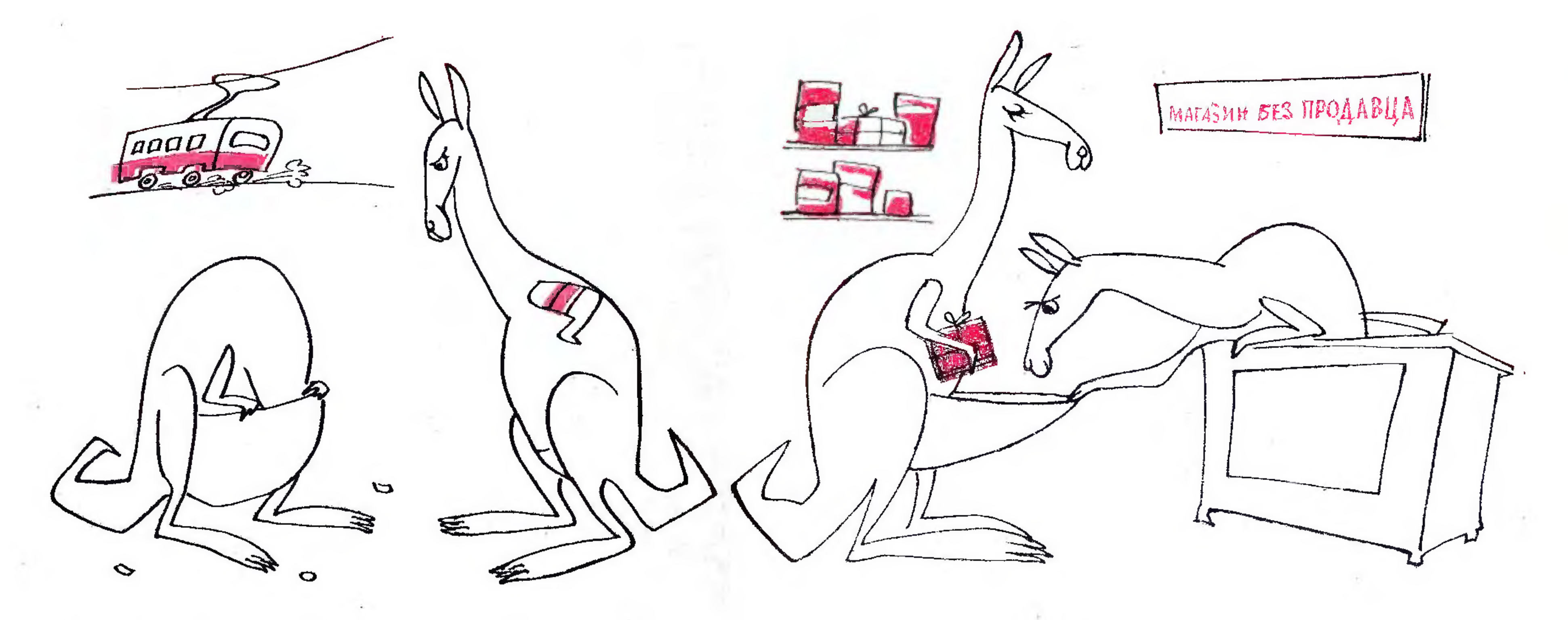
Ю. СКРЫЛЁВ

Евгений ГАВРИЛИН

ПРО КЕНГУРУ

— Я единственная няня на весь микрорайон!

— Ей-богу, был где-то билет...

— Так... А что в сумочке?

КРОКОДИЛ

№ 34 (1936)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, Е. Гаврилин, Л. Горохов, А. Грунин, С. Лукьянов (г. Чулым), А. Семенов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, В. Тильман, А. Чикарьков, Е. Шабельник, В. Шварц.

НАШ АДРЕС: МОСКВА А-15 БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ

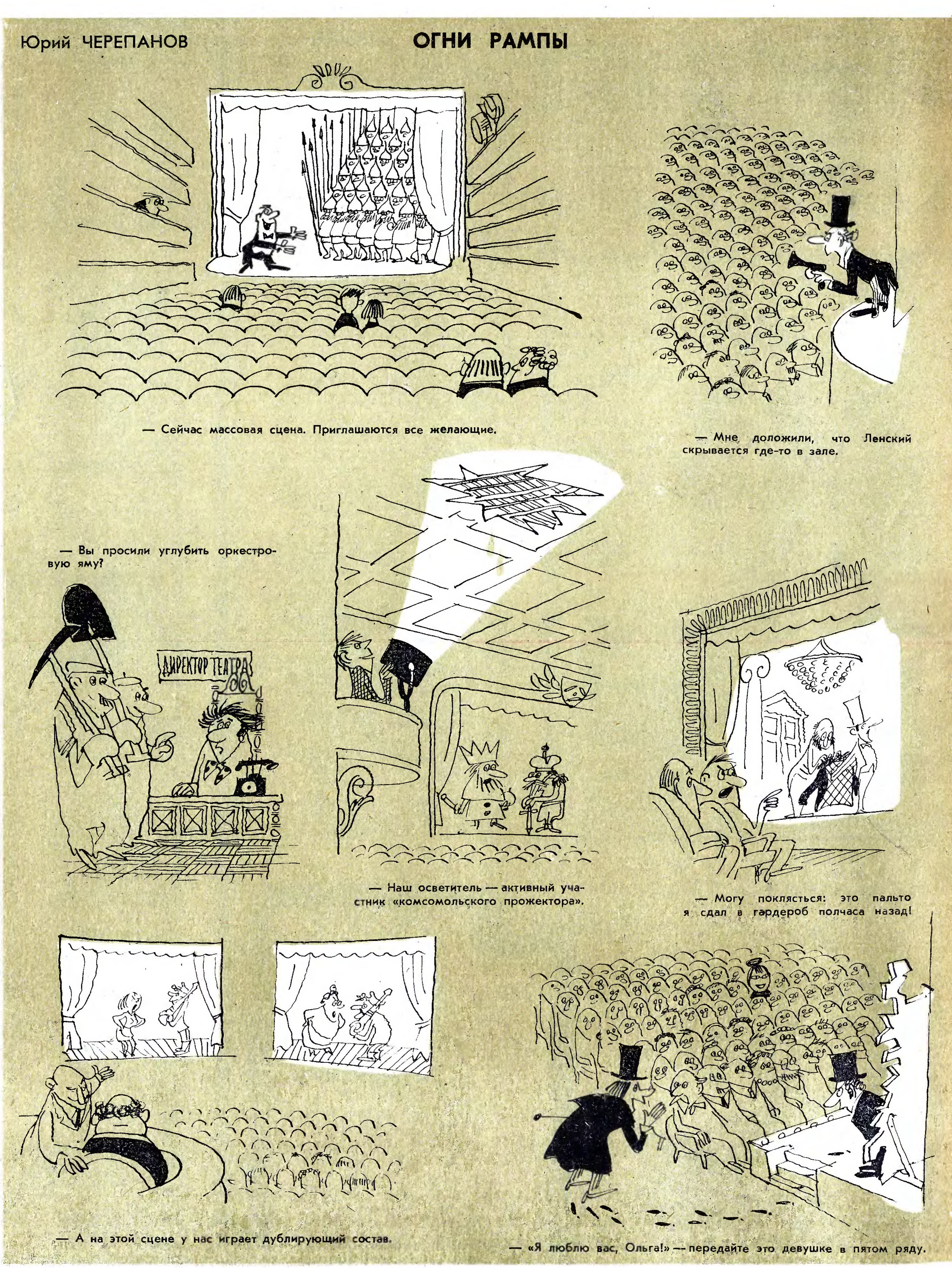
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00237.
Подписано к печати 27/XI 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1 — 4 454 400).
Изд. № 1880.
Заказ № 3170.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

ОГНИ РАМПЫ

— Сейчас массовая сцена. Приглашаются все желающие.

— Мне доложили, что Ленский скрывается где-то в зале.

— Вы просили углубить оркестровую яму?

— Наш осветитель — активный участник «комсомольского прожектора».

— Могу поклясться: это пальто я сдал в гардероб полчаса назад!

— А на этой сцене у нас играет дублирующий состав.

— «Я люблю вас, Ольга!» — передайте это девушке в пятом ряду.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.